

18+ Анна Штогринa

*Мелодия
одержимости*

Анна Витальевна Штогриня

Мелодия одержимости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63523872

ISBN 9785005195319

Аннотация

Я Джеки Космос – перспективная певица. С детства мечтающая взобраться на Олимп славы. После совершеннолетия меня ждал выгодный контракт, гастроли. Только всем моим мечтам не суждено было сбыться. Мой путь преградил своей внушительной фигурой надменный ариец – Адлер Леннон. Он насильно выкрал меня и увез в далекий и чужой мне город – Берлин, чтоб сделать бесправной сексуальной рабыней... Уничтожить все мои чувства и омрачить все мои светлые порывы...#секс18+#сильная любовь#властный мужчина# Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Женя	7
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Мелодия одержимости

**Анна Витальевна
Штогрин**

© Анна Витальевна Штогрин, 2020

ISBN 978-5-0051-9531-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здравствуйте, уважаемые читатели!

Приглашаю Вас окунуться в новую эмоциональную историю сложных отношений и безграничной любви.

Предупреждаю, просто не будет. История длинная и интересная!

Обратите внимание: 18+ не зря!)

С любовью, Анна Штогрин!

Глава 1

Самая сильная ненависть рождается из любви.
И самая сильная любовь рождается из ненависти.

Женька Курносова ждала этого лета сильнее обычного. Она заканчивала третий класс, и родители обещали отправить ее в лагерь «СтартТайм». Именно там – она не понаслышке знала – рождаются гении из просто талантливых детей. Именно там опытные преподаватели по вокалу и хореографии воспитывали будущих звезд. Ей уже исполнилось десять, а значит ее темная кудрявая голова прекрасно понимала: ее час пришел!

Девочка рассказывала с упоением всем родственникам и друзьям, что скоро она станет петь на настоящей сцене. Не импровизированной в семейном кругу, а начнет выступать с сольными концертами, поедет в турне за границу. Родители лишь мило улыбались мечте своей единственной дочери. И, конечно, были готовы за ее ослепительно белую улыбку подарить ей звезды. И сделать ее одной из них. Тем более, что возможностей хоть отбавляй.

Дмитрий Курносов, талантливый программист и создатель востребованных приложений на смартфоны, давно вывел свою семью в ранг высокого достатка и, пусть не роскоши, но определенной состоятельности. Его жена, Алина,

с удовольствием помогала мужу и рисовала новомодные дизайны для сайтов и создавала рекламные проекты для крупных компаний. Семья Жени несколько лет назад купила двухэтажный дом в элитном поселке Зеленые Сосны. И у девочки появилась отдельная комната. В которой она сразу развесила постеры своих кумиров – певиц Кэти Перри, Рианны, Леди Гаги и других популярных в то время исполнителей.

Уроки вокала всегда были ее любимым делом. К сожалению, остальные предметы школьной программы откровенно хромали. Особенно математика. Но Алина Курносова поставила дочери нерушимое условие. Хочет петь – надо учиться в школе без шестерок. Соответственно, Женя изо всех сил старалась подтягивать ненавистную математику, хотя бы к отметке в семь баллов.

Женя

Я снова сбежала в сосновый бор на свою любимую полянку. Передала больной старушке – соседке Марии Захаровне – пирог от матери и умчалась на свою сцену. Высокие пушистые сосны – благодарные слушатели. Они не просят быть тише и не фальшивить, не делают замечаний по поводу плохого произношения на английском. И еще они мне подпевают. Создают музыку, которую я слышу, и ритм, который я сразу подхватываю.

Я выбежала на поляну. Влезла на старый высокий пенек и поклонилась на все стороны. На миг прикрыла глаза, представляя, как меня слепят огни сцены, направленные мне в лицо. Но я не буду жмуриться! Откинула непослушные кудрявые волосы назад и глубоко вздохнула. Глаза распахнула максимально широко, всматриваясь в просветы между дружным строем сосен. Поклонилась грациозно, как меня учила любимая Елена Георгиевна, преподаватель по вокалу. Снова набрала полные легкие воздуха, чтоб не задыхаться до припева и затянула одну из своих любимых песен Кэти – «Act My Age»:

I'm thirty-something going on thirteen (Мне тридцать с чем-то, а веду себя на тринадцать)

Still a sponge to everything (Впитываю все, как губка)

Saucer eyes (Мои глаза)

Why, yeah, I still believe (Округляются, да, я все еще доверчива)

And a sparkle in my steps (Когда иду, я высекаю искры)

Smiling with my teeth (Улыбаюсь во все зубы)

They say that I might lose my Midas touch (Мне твердят, что я могу лишиться дара Мидаса)

They also say I may become irrelevant (Еще говорят, что я стану не востребовавшей)

Я коротко, поверхностно вздохнула и затянула распевку. Подняла руки, двигая ими в такт своей песне.

But who the fuck are they anyway? (Но кто, бл*дь, они такие, чтобы так говорить?)

I don't care what they say (Мне глубоко наплевать на их слова)

Последние слова я прям выкрикнула. Елена Георгиевна уже бы неодобрительно покачала головой и поджала б тонкие губы, мол, фальшивишь, девочка. Но я сейчас пела для сосен и хвойного ветра. Поэтому отдавалась своим ощущениям, хотела вдохнуть в песню свое видение.

I won't act my age (Я не буду вести себя на свой возраст)

Time is just an invention that is made (Время – условность,

придуманная людьми)

No, I won't act my age (Нет, я не буду вести себя на свой возраст)

It's just my reflection that is out of date (Это всего лишь устаревшее отражение)

Cause it's all in your attitude (Все зависит от твоего отношения к жизни)

It's all in your point of view (Все зависит от твоей точки зрения)

I won't act my age (Я не буду вести себя на свой возраст)

Just need a little bit of Peter Pan and some imagination (Мне нужно только немного воображения и капелька Питера Пена)

No, I won't act my age! (Нет, я не буду вести себя на свой возраст!)

Я выдохлась на припеве окончательно. Шумно втянула целый галлон воздуха и заметила, как впереди от сосны отделилась внушительная фигура незнакомого парня. Он начал громко хлопать мне и подходить ближе. Я присмотрелась. Его я не знала, хотя за несколько лет проведенных в Зеленых Соснах могла похвастаться, что дружу со многими ребятами. Если не со всеми.

Незнакомец, на вид подросток лет шестнадцати, выглядел очень странно. Высокий, широкоплечий. Непомерно большие мускулистые руки. Светлые волосы и брови. Глаза слов-

но прозрачные. Вроде не альбинос, но слишком бледная кожа с розоватым оттенком казалась неестественно прозрачной.

Я чуть нахмурилась. А он заговорил со мной на английском:

– Интересный выбор песни, малышка, – он чуть улыбнулся мне дружелюбно. Его произношение слегка картавило, я уловила музыкальным слухом акцент.

Я расслабилась: значит, он не какой-то маньяк. Но доверять посторонним, тем более таким крупным парням, не стоит. В свои десять лет я от мамы это уже заучила.

– Ничего странного. Это Кэти Перри вообще-то поет, – с гордостью сказала я.

– Значит, тебя зовут Кэти? – спросил он.

Я ошарашенно посмотрела в его бледное лицо, слишком строгое и взрослое.

– Ты что, дурак? Не знаешь, кто такая Кэти Перри?! – воскликнула я зло и топнула ногой. Мне было все равно, если я его разозлю своим оскорблением. Я защищала своего кумира.

Но, на удивление, незнакомец лишь пожал плечищами в светлой футболке и засунул ладони в карманы спортивных штанов.

– Кэти Перри – американская певица, композитор, автор песен, актриса, посол доброй воли в ООН. А еще мы с ней похожи. Я такая же красивая, – добавила я и потрянула куд-

рявой головой.

Блондин чуть прищурил глаза и склонил голову на бок, пристально рассматривая меня. Я уперла кулаки в талию. Вот же наглец! Он своим взглядом раздражал меня больше, чем тем, что не знал, кто такая Кэти Перри.

– Да уж! – усмехнулся он своим мыслям. – А как же зовут тебя, красивая?

– Я Евгения Курносова. Будущая певица и актриса. Скоро я поеду в «СтартТайм», и из меня сделают звезду, – с чувством гордости добавила я. Пусть знает, что общается с будущей знаменитостью.

– Евгения, ты и так уже звезда. Я бы сказал, целый космос звезд! И талантливая, и дерзкая, и харизматичная, и красивая! – спокойно произнес блондин.

Я покраснела от его комплиментов. Раньше такие взрослые парни не говорили мне ничего хорошего. Могли посмеяться или толкнуть, будто случайно. В общем, обычное отношение к малявке. На них нечего обижаться.

– Хорошо, считай, что ты загладил свое невежество, – по-королевски громко произнесла я. – Можешь сказать теперь, как тебя зовут, – разрешила я, чем вызвала очередную усмешку у незнакомца. Его явно забавляла я – боевая пигалица.

– Я Адлер Леннон. Приехал с матерью из Берлина к бабушке, Марии Захаровне. Ты ее знаешь? – спросил парень и испытующе всмотрелся в мои глаза.

– Конечно. Мы с тобой, получается, соседи. Я только сегодня ей занесла пирог. Мама через день готовит старушке, и я отношу и помогаю иногда по дому. Это хорошо, что вы приехали. Она совсем себя плохо чувствует, – взволнованно добавила я. Теперь все прояснилось. Я вспомнила рассказы Марии Захаровны о дочери Стелле, которая очень давно уехала на заработки в Германию и вышла там за какого-то бизнесмена. И что у нее есть внук Адлер.

– Спасибо, что помогаешь бабушке, – серьезно добавил блондин. Подошел ко мне совсем близко. Наши лица оказались друг напротив друга. Он внимательно смотрел прямо в мои глаза. Я чувствовала себя неуютно от такого пытливого откровенного интереса. Но не подавала виду. Я же не какая-то малолетка. Я уже взрослая, мне десять!

– Пожалуйста. Мне вообще-то не тяжело. И я люблю с Баксом играть, – добавила я, вспомнив за мелкую собачонку – рыжего шпица.

– Мы друг друга невзлюбили. Он укусил меня за кроссовок, а я дал ему под зад ногой, – ответил Адлер.

– Нельзя обижать животных, верзила! – вскрикнула я, представляя, как этот здоровяк отпихнул моего рыжего друга.

– А людей, значит, кусать можно? – спокойно спросил он.

– Ты ему просто не понравился!

– Он мне тоже, – парировал каждое мое слово блондин.

– Вам надо подружиться. Я не хочу, чтоб ты обижал Бак-

са. Ты вон какой большой и сильный. Ты должен защищать слабых! – не унималась я и потрогала мышцы на его плече. Твердые. От моего прикосновения сильнее напряглись. Адлер нахмурил светлые брови и свел их недовольно к ровному носу. Парень явно не любил, когда нарушали его личное пространство. Но промолчал.

– Пошли, я вас еще раз познакомлю с Баксом, – настаивала я.

Адлер протянул руки к моей талии. Обхватил и снял с высокого пенька, будто я вообще ничего не вешу. Я не успела возмутиться, как оказалась перед ним. Он оказался гораздо выше и шире, чем я оценивала его фигуру с пенька. Я едва достигала его груди. От этого разозлилась, чувствуя себя мелкой пигалицей перед немецким гигантом.

– Пошли уже, – недовольно буркнула я и махнула рукой в сторону их дома.

– Такая забавная! – услышала я сзади. – Мелкий командир! – усмехнулся Адлер. А я резко остановилась и, закинув голову кверху, произнесла самым грозным голосом из своего девичьего арсенала.

– Это не я мелкая, это ты верзила! Мне вообще-то десять лет. А тебе сколько?

– Мне пятнадцать. Но я думал: ты старше, – задумчиво потянул парень.

Интересно, почему он так думал... Мне сразу стало приятно. Обычно все считали меня младше из-за мелкого телосложения.

сложения и длинных волнистых волос. Я всем напоминала куклу-растрепу. Словно услышав мои мысли, Адлер добавил:

– Просто ты пела такую взрослую песню и такая деловая. Я подумал: ты просто мелкая, а так-то тебе лет четырнадцать, – с каким-то сожалением добавил блондин.

Конечно, огорчился, что я малявка. Думал, старше...

– Ты теперь не будешь со мной дружить? Я слишком маленькая? – спросила я в лоб. Почему-то мне захотелось сдружиться с этим странным немцем. Тем более, он мой сосед.

– Почему же. Дружить – не встречаться. Твой возраст не помеха, – улыбнулся Адлер.

А я замерла. Мне впервые парень намекал на то, что я девушка. Встречаться... Ничего себе! Я аж забыла, как дышать. А Адлер подошел ближе, отчего я закинула голову еще выше.

– Не переживай, я подожду, – глухо добавил он. Впервые у меня отняло дар речи. Парень воспринял меня как девушку в десять лет. Это надо срочно обдумать...

– Прости. Увидимся завтра. Я вспомнила, мама просила вернуться пораньше, – сбивчиво произнесла я и, не ожидая ответа, умчалась в сторону дома.

Пока не скрылась за поворотом тропинки, чувствовала ледяной взгляд голубых глаз на своих волосах и спине. Вот так сосед, Адлер Леннон. Надо бы расспросить у мамы о нем!

Только я вбежала в дом, как натолкнулась на свои чемо-

даны. Для лагеря я собрала их еще неделю назад. Но до отъезда оставалось еще пару дней.

– Мам, а чего мои вещи в коридоре? – спросила я, заходя в кухню.

– Женечка, хорошо, что ты быстро вернулась. Папа разогревает машину. Поедешь в лагерь уже сегодня. Там смены сместились из-за большого количества детей. Твоя начинается сегодня, – объяснила мама, вытирая руки о полотенце.

– Урааа! Это самая лучшая новость! Я побегу возьму свой телефон и наушники, – возбужденно затараторила я.

– Давай поторопись, родная. Впереди у тебя целый месяц в лагере. Надеюсь, скучать без нас не будешь? – мама посмотрела на меня с любовью.

– Прости, мамочка, но нет, – честно выдала я и побежала на второй этаж в свою комнату, даже обувь не сняла – так торопилась.

Похватав все, что успела в спешке найти: телефон, зарядку, небольшой ноутбук, наушники, заранее купленные беруши, если ночью будут шуметь и не давать мне спать, – поскидывала все в рюкзак и вылетела навстречу своей мечте. Перед выходом из комнаты, подмигнула Кэти Перри на плакате. Когда я стану известной, мы обязательно подружимся! Я не сомневалась ни в своем предначертанном будущем, ни в том, что у меня все получится! Я упертая и всегда добиваюсь своего.

В лагере я познакомилась с Мариной Карповой. Она жила в одном номере со мной. Девчонка была старше меня всего на два года. Она обладала мощным голосом, от которого мурашки бежали по коже. Преподаватели, заметили, что наша тональность совпадает и ставили нас петь дуэтом. Вскоре мы стали не разлей вода. Лучшие подруги. Снимали вместе клипы для Инстаграма и Лайка, размещали на наших каналах в ЮТюб эти видео.

Месяц в лагере у моря пролетел слишком быстро. Уезжать не хотелось. Но мой первый опыт был для меня очень ценным и важным. Вечерами я со старшими ходила на дискотеки и пела на сцене. Преодолела остатки стыдливости и страха.

Когда родители приехали меня забирать, то я плакала так горько и обреченно, что они обещали на следующее лето отправить меня снова в «СтартТайм». С Маринкой мы долго обнимались и плакали. Обещали звонить и писать друг другу каждый день. А родители договорились навестить семью Карповых в ближайшем будущем.

Адлер Леннон уехал обратно в Берлин. И как я ни спрашивала маму о нем, она внятно ничего не могла объяснить. Говорила лишь, что он с матерью уехали тогда, когда бабушка начала снова вставать и ее самочувствие значительно улучшилось. Я была очень рада за Марию Захаров-

ну, но чертовски сожалела, что верзила Адлер уехал и не дождался меня. Мы даже телефонами не обменялись. А просить у его бабушки контакт внука я так и не решилась. Пару раз даже честно настроилась спросить о нем, но слова застревали комом в горле.

Потом моя молодая жизнь закрутилась-завертелась. У меня не было времени продохнуть, не то что думать о друзьях. С утра учеба в школе, затем хореография и вокал. Каждый день я ложилась спать выжатая, как лимон. Родители все время предлагали сократить время тренировок, но я была непреклонна. После лагеря чувствовала в себе силы добиться всего, о чем мечтала и сдаваться я не собиралась. А занятия – это неотъемлемая необходимость на моем тернистом пути к звездной славе.

О том, что Адлер с матерью приедут после Нового Года навестить бабулю, я узнала случайно. Мама за завтраком обмолвилась отцу, что созванивалась со Стеллой. Отчитывалась ей о здоровье бабули. Соседка просила подготовить для них комнаты. Потому что у Марии Захаровны не было никаких сил. Мама наняла уборщицу и передала ей просьбу хозяев.

Мне уже было четырнадцать. Я ездила с Мариной на «Фабрику Звезд Дети», и мы заняли третье место. По-

сле этого ошеломительного успеха моя жизнь превратилась в утомительную и кропотливую работу. Учеба в школе совсем хромала, но многие предметы мне ставили экстерном. Закрывали глаза на мои пробелы в знаниях. Ведь я стала знаменитой.

Мы с Маринкой часто зависали в звукозаписывающей студии. Именно там я познакомилась с надменным красавчиком мажором – Данилом Подольским. Ему было семнадцать, и у него была своя группа. В высокого широкоплечего брюнета мы с Маринкой влюбились обе. Но, так как он не обращал на мелких пигалиц, коими нас считал, никакого внимания, то мы не ссорились из-за него. Поэтому и конфликтов между нами тоже не было. Мы записывали на телефон, когда он пел в кабине, и потом дома пересматривали по сто раз, и заразительно смеялись.

Новогодние каникулы закончились, и началась моя сумасшедшая занятость. В девятом классе все предметы напоминали мне древние иероглифы. Я ничего не понимала ни в химии, ни в физике, ни в алгебре, ни в геометрии. В общем, не могла дождаться, когда же мучение под названием «школа» закончится, и я поступлю в Национальную музыкальную Академию на вокально-хоровой факультет. Елена Георгиевна радовалась моим успехам и обещала подготовить меня к вступительным экзаменам.

В тот день я бежала со школьного автобуса домой. Морозный холод пронимал до костей. Я натянула пониже вязанную шапку и спрятала нос в шарф. Даже огромный пуховик ниже колен не мог согреть мою тощую фигуру. Я согнулась под тяжестью рюкзака и смотрела себе под ноги. Дорога от автобуса к дому занимала не больше десяти минут. Но я со своими мелкими осторожными шажками и мыслями, что витали в облаках, преодолевала ее в два раза дольше.

Я не заметила, как мне навстречу вышел незнакомец. Только увидела перед носом высокие кожаные ботинки на шнуровке. Крепкие икры были обтянуты джинсами. Я остановилась и проследила взглядом выше. Длинное кашемировое пальто и большой серый шарф, намотанный на шею. Посмотрела в лицо высокого мужчины и ахнула:

– Адлер Леннон, – вспомнила я немца. Он был без шапки, и его светлые волосы небрежно развевались по ветру. Он выглядел гораздо старше после нашего знакомства в лесу. Это и не удивительно, ведь прошло четыре года. Черты лица его стали еще суровее. Стальной взгляд по-прежнему сдирал все маски, смотрел прямо в душу. Широкий подбородок с поджатыми губами и ровный нос с немного раздувающимися крыльями. Впалые щеки на высоких скулах и чуть сдвинутые к переносице брови делали его внешность задумчивой и мрачной.

– Ну, привет, девочка-космос, – проговорил он глубоким

басом на английском языке, все с тем же немецким акцентом. Я невольно подумала, что и голос у него сильно загрубел, изменился.

Я нерешительно перетаптывалась на месте. А потом подошла и обняла его за талию, уткнувшись головой в грудь. У меня с друзьями принято обниматься и целоваться в щеку при встрече. Поэтому я задрала к нему голову и привстала на носочки, намереваясь чмокнуть в холодную щеку. Адлер подхватил меня под мышки и чуть приподнял. Секунду помедлил, рассматривая мое обледеневшее красное лицо. И вдруг накрыл мои губы своими.

Поцеловал прямо в рот! Я даже не успела отстраниться. А он властно захватил меня в плен. Его губы оказались горячими и влажными. По телу разлилось неизвестное чувство. Когда он чуть приоткрыл губы и попытался проникнуть языком в мой рот, я испуганно отстранилась.

– Ты что, сдурел? – вскричала я на русском, не особо заморачиваясь, что он может меня не понимать.

Попыталась вырваться из капкана огромных лапищ. Адлер тут же разжал руки, отпуская меня. Я чуть не завалилась на спину. А он развернул меня, как куклу, и ловким движением снял с меня тяжелый рюкзак. Взял его в руку и перекинул на плечо. Я чуть успокоилась и произнесла уже на английском, понимая, что русский, он не знает:

– Адлер, нельзя меня так целовать!

– Почему, Евгения? Ты ведь сама полезла ко мне, – удив-

ленно, но тихо произнес немец.

– Да, но не целоваться в губы! – возразила я, только сейчас осознав, что первый мой поцелуй теперь навеки принадлежит этому иностранному громиле.

– А куда? – он остановился и обернулся ко мне, посмотрел на меня с сарказмом. Едва уловимой насмешкой в стальных глазах.

– У нас принято, что друзья целуются в щеку, – раздраженно добавила я.

Он чуть склонился, и его светлое лицо оказалось совсем рядом. Я нервно сглотнула и гордо вскинула к нему голову. Нечего меня смущать, я не из пугливых.

– В следующий раз четче объясняй свои желания, а то я могу часто ошибаться, – проговорил он глухо и поцеловал теперь в щеку. Мягко и нежно прихватил губами мою кожу. Совсем рядом с ухом. Я услышала его спокойное дыхание, снова почувствовала его запах. Едва уловимые нотки имбиря и цитруса.

Я застыла, как вкопанная. В свои четырнадцать лет я не была готова к такому откровенному флирту взрослого двенадцатилетнего парня. Который, к тому же, меня подавлял своей гигантской фигурой и таинственной аурой.

Адлер Леннон пугал меня до дрожи в коленях. Но я никогда бы ему не призналась в этом. Я даже себе не отдавала отчет в своем страхе. Поэтому неловко потопталась перед ним на месте и чуть не упала. Нога поехала на скользком зале-

денелом асфальте. Я необдуманно жестом вцепилась в его руку в пальто и обхватила кожаную черную перчатку. Адлер среагировал молниеносно, поддержал меня второй рукой и поставил на место.

– Пошли, девочка-космос, пока ты не переломала свои мелкие хрупкие кости, – усмехнулся он.

– Не переживай, я каждый день тут хожу, и все в порядке. Никогда не падала, – дерзко ответила я. Мне не хотелось показывать ему бушующие во мне чувства неловкости и страха.

– Значит, это я на тебя так действую? – усмехнулся немец, сверкая белоснежной улыбкой.

– Размечтался! Ты хоть знаешь, что я уже звезда сцены! Я певица и заняла третье место на Междугороднем конкурсе вокала. Никто не заставит звезду упасть, – громко отчеканила я. Мне хотелось доказать этому наглому верзиле, что я не несмышленный ребенок, который будет заглядывать ему в рот, просто потому что он обратил на меня свое внимание.

– О, третье место – это серьезно. Уровень! – проговорил он с толикой насмешки.

– Иди к черту, Адлер Леннон! Ты хоть знаешь, сколько я тренируюсь и занимаюсь, чтоб достичь чего-то?! В нынешней конкуренции третье место – это высшая для меня награда, – вспыхнула я и вырвала руку из хватки его кожаных черных перчаток. Задевать мои способности и втапывать мою мечту в грязь никому не позволю!

– Не злись, девочка! Для меня ты всегда на первом месте,

если тебя это утешит, – спокойно произнес он и взял обратно мою руку.

Адлер шел медленно, подстраиваясь под мои мелкие шагжки, за что я ему была благодарна. Дорога сегодня была особенно скользкая. Ночные заморозки сделали свое дело. И если б не поддержка немца, то я, наверное, упала б не раз.

– Когда ты приехал? – спросила я. Долго молчать было не в моих правилах.

– Только что, – ответил парень.

– А что ты делал возле моего дома? – продолжала я допрос.

– Хотел тебя увидеть, – просто ответил Адлер, и я потерялась. Вот так откровение. Взрослый, красивый (а он однозначно был красив, я это уже понимала), молодой мужчина, потому что для парня он выглядел слишком рослым, обратил на меня свое внимание. Если б не моя мечта, Данил Подольский, я бы точно по уши влюбилась в него.

– А чего ты мне не писал и не звонил? – спросила я, считая, что имею право предъявлять ему претензии, как другу, конечно.

– Ждал, пока ты подрастешь, – улыбнулся Адлер открыто и по-доброму.

– Ты считаешь, что я уже выросла? – удивленно посмотрела на него. Немец выдыхал холодный пар, и в сочетании с его снежными морозными глазами он казался похожим на Хеду. Слепого бога в германо-скандинавской мифологии. На-

столько он смотрелся величественно, а его глаза были такие светлые, словно, он ничего не видит этими ледышками. Хоть не зря прошли курсы истории, улыбнулась я сама себе.

– Смотря для чего. И к тому же, я соскучился, – Адлер поглядывал всю дорогу то себе под ноги, то на меня.

Я сильнее сжала его руку, когда снова поскользнулась, и он устало выдохнул. Я восприняла его ахи-вздохи на свой счет. Видно, уже жалеет, что связался с неуклюжей малявкой.

– Иди к себе, я уже сама дойду. Тем более, что Мария Захаровна ждет тебя, – сказала я, когда мы подошли ближе к моему дому.

– Увижу твою маму и пойду. Не переживай, девочка-космос, я никогда не навязываюсь, – Адлер грубо пресек мои попытки отправить его домой. Я лишь зло выдохнула. Он вызывал во мне противоречивые чувства. То радость от встречи, то раздражение от насмешек над моими успехами, то страх от его откровенной близости, то желание избавиться, наконец, от его тяжелого взгляда.

Адлер помог подняться мне на ступеньки и открыл входную дверь, пропуская меня вперед. Положил бережно мой рюкзак на полку при входе и потянулся к моему шарфу, помогая раскрутить его с моей шее. Я хотела отступить, но он так выразительно посмотрел на меня, что я снова окаменела от стали его глаз.

Немец помог мне раздеться и повесил все вещи на вешал-

ку. Окинул меня хмурым взглядом с головы до пят. Задерживаясь то на длинных волнистых волосах, которые после шапки были особенно растрепаны, то на растущей груди, которая без лифчика начала уже проявляться под кашемировым свитером, то на моих острых коленках. Вернулся облапывающим взглядом к припухшим красным от холода губам и шумно выдохнул.

– Или мне кажется, или ты стала еще мельче, – недовольно проворчал немец.

– Это просто ты еще больше вымахал, верзила! – я показала ему язык.

Наглость Адлера раздражала меня. Но он промолчал. Лишь смотрел мне вслед мутным, чуть потемневшим взглядом.

– Евгения, до встречи, – добавил он глухо, мне в спину. Потому что продолжал стоять в своих армейских ботинках и пальто на пороге.

Я обернулась. Вид у него был грозный и в то же время очень стильный. Кожаные перчатки скрывали длинные ровные пальцы, а шарф на шее был по-модному завязан узлом. Я обычно заматывалась, как куколка, не заморачиваясь. А в Адлере чувствовалось, что весь его образ brutального современного мужчины продуман до мелочей. И прическа его современная. С одной стороны за ухом выбрито, с другой – длинная светлая челка заломана и тщательно уложена с видом легкой небрежности. Только глаза его пугают и заво-

раживают своей яркой голубизной. Будто в его суровое лицо умелый скульптор вставил редкие прозрачные бриллианты. Так и манит всмотреться в радужку, уловить все оттенки их мерцания.

– До встречи, Адлер Леннон, – на автомате ответила я, пытаюсь скинуть морок.

– Женечка, там что, Адлер пришел? – вдруг вскричала мама с кухни. Я от неожиданности чуть не подпрыгнула на месте.

Мама выскочила с кухни, вытирая руки от муки об передник. Приметив в дверях Адлера, бросилась его обнимать.

– Привет, дорогой! Боже, как ты вымахал. Настоящий спартанец! – причитала мама. Адлер смотрел на нее с высоты своего исполинского роста и мило улыбался.

– Здравствуйте, Алина. Мама просила передать вам приглашение на завтрашний ужин, – добавил он и глянул снова на меня. Я невольно отступила на шаг к лестнице.

– Спасибо, Адлер. Заходи на чай, я испекла шарлотку, – засуетилась мама.

– Спасибо, но я пока откажусь. Меня бабушка ждет, – проговорил он и чуть заметно кивнул мне. Вот наглец. Продолжает меня подначивать!

Я снова показала ему язык и побежала по лестнице в свою комнату.

Захлопывая двери, я услышала мамин голос.

– Ой, а где Женька? Я ж хотела вас познакомить. Она

у меня творческая личность, певица. Думаю, вы бы подружились...

Ответ Адлера я не расслышала. Подошла к ноутбуку и включила сборник Шазам на всю комнату, чтоб заглушить глухой бархатный голос Адлера и свои бешеные мысли. Покрутилась по комнате, как неприкаянная. Все-таки расслышала, как захлопнулась входная дверь.

Ноги сами понесли меня к окну. И я всмотрелась, как в снежном пейзаже высокая черная фигура в пальто уверенным шагом пошла по дороге. Подходя к воротам, Адлер замер и обернулся. Безошибочно нашел мое окно, и мне показалось, что всмотрелся в мое лицо. Я рывком присела. Прижала руками выпрыгивающее сердце. Не хотелось бы мне снова встречаться с этим немцем, которого и другом-то можно назвать с натяжкой.

– Женька, ты знаешь, что на выходные в клубе будет Данил. Это точная информация. Брат слил, – Марина по-деловому покачала светлой головой и внимательно уставилась на меня синими глазами, гораздо темнее, чем у Адлера, про себя отметила я.

Я пододвинулась ближе к ноуту и подключила микрофон с наушниками. Надела их на голову, чтоб лучше слышать подругу и не кричать на всю комнату. А то не хватало, чтоб

мама еще услышала за клуб и Данила.

– Я смогу сбежать к десяти. Никита проведет нас? – спросила я, чувствуя волнение от предстоящего события. Это будет уже третий мой побег в клуб. Мама бы ни за что не отпустила меня в четырнадцать лет. И даже растущая грудь и целый год месячных, не убеждают ее, что я уже взрослая.

– Конечно. Брательник мне должен. Я прикрыла его перед батей, когда он стащил деньги. Сказала, что это я. Поэтому он в долгу, – Маринка хитро улыбнулась.

– А Данил... Он будет с Лерой? – озвучила я мучивший нас с подругой вопрос.

– К сожалению, да. Он пока не наигрался с этой расфуфыренной пустышкой, – обреченно проговорила подруга. Наша безответная любовь к Данилу нас объединяла.

– Надо одеться по красивее, – выдала я.

– Постарайся стащить то мамино платье, в котором ты выступала на «Голосе» – вспомнила подруга. Я довольно закивала.

– Точно. А ты что оденешь?

– Я купила крутые кожаные шорты и короткий топ. Наряд огонь. Сейчас покажу.

Подруга зашуршала. Потом вернулась с пакетом. Везет ей. Она старше меня на пару лет, и ее родители уже отпускают с братом на дискотеки. А я не уверена, что меня и в шестнадцать выпустят. Марина покрутила перед камерой обновки. Я прицокнула языком с видом знатока.

– Да уж, прикид что надо! – удрученно проговорила я, думая, как залезть к маме в шкаф, чтоб стащить платье.

– Женечка! – позвала мама из-за двери.

– Мариш, давай, до встречи. Мы сейчас идем к соседям на ужин, – проговорила я.

– О, это к той бабуле, к которой приехал внук из Германии? – вспомнила подруга, как я ей на днях жаловалась на наглого Адлера.

– Именно, – подтвердила я.

– Держись там молодцом. Не давай фашисту запугать себя. Помни, что мы их победили во Второй мировой, – засмеялась Маринка. И я невольно тоже усмехнулась. Если б все немцы были такими же огромными, как Адлер, то у нас бы не было шансов!

– Постараюсь, – ответила я и быстро отключилась, слыша мамин стук в дверь.

– Иду уже, мам, – громко крикнула я.

Оглядела себя перед выходом. Простое вязаное платье нежно-розового цвета. Колготки я одела обычные черные. Но, чтоб не замерзнуть, в ноги натянула белые вязанные гольфы с отворотом на коленях. Волосы распустила и прихватила две пряди от ушей, заколов жемчужной заколкой прическу-мальвину. Эдакая пай девочка. Хоть во мне и бушуют вселенские страсти и я могу очень колко выражаться, захотелось пойти к соседям именно в таком образе. Может,

тогда этот верзила Адлер не будет меня вымораживать своими холодными глазищами.

Папа уже ждал одетый в дубленку и шапку в коридоре и немного спарился. Его очки запотели, и он нервно постукивал пальцами по часам на руке. Мама обувалась в ботинки.

– Принцесса, ну наконец-то! Мы вообще-то только тебя ждем. Давай, милая, поторопись. Ты ведь знаешь, как я не люблю опаздывать, – добродушно торопил он меня.

Родители никогда не повышали на меня голос, за что я им была благодарна. От Маринки знала не понаслышке, как родители могут ругаться и кричать на детей. Ей с братом иногда и по заднице прилетало. Поэтому я лишний раз улыбнулась папе и поспешила надеть меховые валенки и пуховик. Намотала шарф и надела шапку.

– Ну что, красавицы, поехали, – скомандовал папа.

– Дим, может, пешком пройдемся? Тут всего два шага, – спросила мама.

– Нет, там сегодня очень холодно. И возвращаться будем поздно. Лучше подъехать, – парировал отец, открывая дверь и впуская морозный воздух.

– Поздно?! А мы надолго? Просто у меня еще гора не сделанных уроков, – поморщилась я. Проводить кучу долгих часов в компании напряженного немца не хотелось.

– Не переживай, успеешь, – ответила мама и приобняла меня за плечи, подталкивая к выходу.

– А остаться нельзя? Тем более, что у меня завтра математика. Вы ведь знаете, как она тяжело мне дается, – предложила я очередную попытку остаться дома. Но мама мягко увела меня за собой.

– Перестань, Женя, нас пригласили всех. Это некрасиво – отказываться. Тем более, что к подружкам ты бегаешь, несмотря на математику, – сказал папа и сел в авто.

К соседям мы доехали за пять минут, и я поразилась тому, как дом старушки освещался множеством огней. Обычно он был мрачный и пустой. Ведь у нее не бывало гостей. А тут он словно ожил, засиял. Мы подошли к двери, и она сразу распахнулась. Нас явно ждали. На пороге возникла высокая женщина в вязаном спортивном костюме со светлыми волосами, завязанными на затылке в хвост. Она выглядела достаточно молодо и современно. Мама сразу улыбнулась ей и кинулась в дружеские объятия.

– Стелла, привет. Выглядишь великолепно, годы не властны над тобой, – сказала она.

– Кто бы говорил, Алина! Сама как куколка. Димка, привет, заходите, – затараторила хозяйка, пропуская всех в дом.

Когда они только успели так сдружиться?! Ведь знакомы каких-то пару лет. Но, видно, хорошим людям и дня пообщаться достаточно.

– Боже, что это за милаха?! Неужели Женечка, это ты? Красавица. Мы с Адлером смотрели все твои выступления. Третье место тебе досталось не заслуженно! Твое только пер-

вое, – воскликнула она.

Я аж чуть слюной не подавилась. Так Адлер смотрел мои выступления?! Партизан нацистский! Ведь ни слова не проронил об этом.

– А где вы видели, на Ютубе? – неуверенно спросила я.

– Алина мне все в Вайбере скидывала. Но если у тебя есть свой канал, мы с удовольствием подпишемся, – мило улыбнулась женщина. Она мне определенно уже нравится.

– Конечно, я скину вам ссылку. Спасибо, – добродушно улыбнулась я.

– Давайте, раздевайтесь. Мама за столом ждет нас, ей тяжело уже ходить, – грустно вздохнула Стелла, помогая нам развешивать вещи.

Я разделась, поправила съехавшие гольфы. Разогнулась и встретила с ледяным взглядом. Адлер медленно спустился с лестницы, не сводя с меня глаз. Я недовольно отметила, что выглядит он круто. Модные светлые джинсы и белая рубашка с высокими отворотами до локтей. На узком запястье брендовые часы – хронометры. Волосы аккуратно уложены на бок. Лицо светлое, с чувственными губами, чуть поджатыми в легком пренебрежительном выражении.

Он был почему-то недоволен моим внешним видом. Особенно ему не понравились гольфы. Он несколько секунд смотрел именно на них. А потом шумно сглотнул и кадык на его жилистой шее дернулся вверх. Я сама глянула на гольфы, думала, они съехали. Но нет, все в порядке.

– Сынок, подойди. Это дочка Алины и Димы. Я тебе показывала видео с ней, помнишь? Ты лично еще не знаком с Женечкой? – спросила Стелла, переходя на английский.

Адлер изобразил подобие улыбки и кивнул. Он подходил ко мне медленно, вальяжно, как снежный барс. Если б не родители, я бы стыдливо сбежала. А так не оставалось ничего другого, кроме как включить режим гордости и мнимой уверенности.

– Знаком, мам. Она мне пела песню Кэти Перри, – усмехнулся он, и все удивленно уставились на меня. Я была готова его убить и покраснела с макушки до пят.

Адлер был даже выше и больше отца, что тот сразу подметил.

– Оу, ничего себе ты вырос! Настоящий мужчина. Как твои занятия боксом? – спросил он.

– Спасибо, Дима. Все окей, – ухмыльнулся немец, не сводя с меня взгляда. И крепко, по-мужски, пожал протянутую отцом руку.

Он чувствовал себя хозяином положения. Его уверенность и простое обращение к старшим немного меня смущало. Адлер протиснулся ко мне и, нависая горой, склонился к моему лицу. Его запах сразу вскружил голову. Немец провел рукой по моим распущенным волосам, совершенно не смущаясь присутствия родителей. И поцеловал меня в висок. Так интимно и нежно, что я прикусила губу, громко выдохнув.

– Привет, девочка-космос, – прошептал он. Моя кожа моментально покрылась мурашками от его низкого гортанного шепота. И уже громче Адлер добавил, отклоняясь от меня. – Мы с Евгенией успели подружиться!

Родители радостно закивали, поздравляя нас будто с помолвкой. Я сжала кулаки. Этот немец манипулировал моей неопытностью и специально поддевал. Чувствую, вечер будет убийственным!

– Ой, пойдёмте к столу. А то мясо остынет, – воскликнула Стелла. И мы, как ее верные подданные, увязались следом. Адлер шел последний. Хоть я и пыталась плестись медленнее всех. Несколько раз я оглянулась, чувствуя, как он прожигает меня насквозь своим тяжелым взглядом. Прямо чувствовала покалывание. Но он даже не скрывал своей заинтересованности. Смотрел в открытую сверху вниз. Я чувствовала себя букашкой перед Богом.

Когда нас рассадили за стол, он плюхнулся совсем рядом. Даже стул придвинул. Мария Захаровна сидела во главе стола и выглядела откровенно неважно. Хоть старушка и улыбалась, и старалась быть приветливой, чувствовалось, что семейное застолье она выдерживает с трудом. Разговоры вертелись вокруг Нового Года. Кто как отметил и какие подарки были куплены.

Я никак не могла расслабиться рядом с наглым блондином. Я весь вечер ощущала его запах. А когда он вставлял реплики в разговор старших на равных, я не могла уловить

суть. Сидела как на иголках. Он определенно влиял на меня очень необычно и сильно.

– Миленькие гольфы, Женечка, – сказал он, копируя обращения старших, наклонился и запустил руку под стол. Коснулся моей ноги, потянул за белую резинку гольфа. Я аж дернулась. Но никто ничего не заметил.

– Убери руки, Адлер, – я хлопнула его под столом ладонью по локтю. Отчего мама недоверчиво покосилась на нас.

Адлер с непроницаемым лицом обернулся ко мне.

– Пап, я пойду. Ты ведь знаешь, мне надо готовиться на завтра к математике, – быстро проговорила я и резко вскочила. Адлер откинулся на стуле, будто это не он только что ущипнул меня под столом.

– Женечка, саму я тебя не отпущу. Дождись нас, детка, – ответила сразу мама.

– Я мог бы провести Евгению, – встрял Адлер. И я была уже готова выцарапать его бесстыжие голубые глаза.

– Кстати, он может помочь тебе с математикой. В точных науках он гений, – добавила гордо Стелла.

Я обреченно выдохнула, думая усесться обратно. Уж лучше дождаться родителей, чем с этим спартанцем остаться наедине. Я, может, и маленькая еще, но прекрасно ощущала опасность, исходящую от него. Но Адлер не собирался меня дальше слушать. Ему, видно, тоже надоело изображать из себя паиньку при родителях. Он встал из-за стола и, подхватив меня за локоть, поволок в коридор, обещая всем скоро вер-

нуться.

– Я не хочу с тобой никуда идти, – смело проговорила я.

– Не бойся, я тебя не съем. Я не питаюсь маленькими девочками, – усмехнулся немец и начал надевать на меня пуховик. Сам застегнул молнию. Затем достал мой шарф и завязал модным узлом, расправил мои волосы. Ловко пригладил их руками. Даже шапку надел на меня сам, пока я пыхтела, как злобный ежик. Когда он достал мои сапожки и присел передо мной на колени, я отступила к двери. Это уже перебор.

– Я сама в состоянии одеться, – еле выговорила я. Но немец молча подхватил мою ступню в свои большие горячие ладони. Чтоб не упасть, я была вынуждена опереться ему на плечи. Коснувшись его твердых мышц, я чуть не отдернула руки. Под тонкой тканью рубашки, он состоял из живой стали. Горячей, упругой и очень твердой.

Я нервно сглотнула ком в горле. Послушно помогла Адлеру обуть меня, чтоб быстрее закончить эту пытку его близостью. Сам же парень оделся очень быстро. Натянул свое пальто и шарф, обул высокие кожаные ботинки и рукавицы.

– Пошли, девочка-космос, будем грызть гранит науки, кажется, у вас так говорят, – проговорил он, выводя меня из оцепенения. Потому что я откровенно пялилась на него, пока он одевался.

Я лишь кивнула. Смирилась. От этого приставучего немца не отвязаться. Быстрее бы он уехал обратно в свой Берлин...

На улице было холодно и темно. Адлер сразу взял меня за руку и так сжал, что вырваться не было ни малейшей возможности.

– Так чем ты занимаешься, Евгения, кроме песен? – спросил он, пока мы шли. Я снова почувствовала в его голосе явную насмешку. Он считал мои занятия вокалом блажью. Глупостью разбалованной девушки.

– Хорошо, я покажу тебе, – громко проговорила я, когда мы дошли до моего дома. Сама быстро разделась, боясь, что немец снова полезет ко мне своими огромными ручищами.

Подождала, пока мой гость разденется, и сама схватила его за руку. Адлер удивился переменам во мне, но не стал препятствовать и позволил утащить себя по лестнице наверх. Отец оборудовал в доме мне зал с интерактивной стенкой для просмотра видео-уроков. Зал был большой и просторный. Паркет на полу заблестел, когда я включила свет.

В углу стоял рояль, на котором аккомпанировала мне Елена Георгиевна. Вдоль противоположной стены были прикреплены огромные зеркала и станок. Я втолкнула Адлера в святая святых. Свою тренировочную, или пыточную, как ее называла мама и посмеивалась с моего рвения, но я знаю, что она гордилась моим упорством и усидчивостью.

Я усадила Адлера на стул возле рояля. Он заинтересованно смотрел на меня.

– Для начала, разминка, – скомандовала я. Принесла

огромную вазу с каштанами. Излюбленное средство пытки Елены Георгиевны. Взяла внушительную жменю в рот и протараторила длинную скороговорку. Затем зачерпнула из вазы штук шесть каштанов и подошла к Адлеру.

– Открой рот, – четко скомандовала я удивленному немцу. Он усмехнулся, но позволил запихнуть себе в рот все каштаны. Я старалась не заострять внимание на том, что случайно касалась его мягких упругих губ. Я нашла в интернете список скороговорок на немецком и протянула ему телефон.

– Читай. Хотя бы десять скороговорок, – снова отдала я команду.

Адлеру нравилось со мной забавляться. Он взял телефон из моих рук и начал пытаться проговоривать написанные слова.

Скороговорки на немецком это что-то. Такие каверзные и сложные слова, что я подумала: не дай Бог, Елена Георгиевна додумается меня ими мучать. После третьей строчки Адлер сдался. Рассмеялся громко и выплюнул в руки каштаны. Я пододвинула к нему ногой урну и дала салфетку для рук. Первая победа осталась за мной. Учить его распевке и нотам я не стала. Это слишком сложно для новичка. Я потянула его к станку.

– Ты решила сделать из меня балерину? – продолжал смеяться мужчина.

– Нет. Просто хочу, чтоб ты повторил пару движений из обязательной танцевальной программы.

Я включила пультом ритмичную мелодию и начала медленно показывать в зеркало движения.

– Повторяй, не стой, как дерево, – громко скомандовала я, перекрикивая музыку.

Сначала руки, затем плавные шаги ногами. Разворот. Танец Адлер повторял неплохо. И я не сдержалась, похвалила его.

– Молодец. Вот так. Руки выше. Плавнее, – подбадривала я его, видя, как немец старается успеть за мной повторить.

Когда мелодия закончилась, и мы отдышались, я снова усадила его на стул.

– Теперь посмотри, как этот танец должен выглядеть, – я заново включила музыку.

Начала медленно двигаться. Словила ритм, закружилась. Упала на колени и прогнулась. Каждое движение у меня отточено до автоматизма. Я кружилась в танце по залу, а Адлер молча наблюдал за мной, чуть нахмурившись. Когда снова закончилась композиция и я поклонилась, мужчина резко встал.

– Я все понял, пошли, – грубо сказал он.

Я отдышалась и посмотрела на него. В платье было жарко, но я решила уже не переодеваться. Интересно, что так испортило настроение этому каменному спартанцу...

– Куда пошли? – переспросила я.

– Я помогу тебе с математикой и пойду. Уже слишком поздно, – он помедлил какое-то время, затем встал и стре-

нительно вышел из моего зала.

Я выключила свет и обернулась в коридоре. Столкнулась с массивной фигурой мужчины. Мы оказались слишком близко друг к другу. Адлер сразу отошел на несколько шагов. Шарахнулся от меня, как от чумной. Я не понимала изменения, произошедшие в нем. То он сам придвигался за столом, то отскакивает на метр при нашем сближении. Я не стала анализировать его поведение. Да и в четырнадцать лет я вряд ли поняла бы, какие эмоции и желания пробудила во взрослом мужчине. Поэтому я пошла в свою комнату, а он послушно потопал за мной.

«Хорошо, что я застелила кровать перед выходом», – подумала я, открывая вторую тайную комнату в мой мир перед посторонним человеком. Я вошла в свою спальню и подошла к письменному столу.

Адлер вошел следом и начал с интересом осматривать внутреннее убранство моей комнаты. Потрогал мягкие игрушки на полке. Коснулся моей пижамы с кисками, сложенной в углу на кровати. Осмотрел каждый постер, прикрепленный над кроватью. Глядя на Кэти Перри, улыбнулся. Подошел к шкафу с книгами, изучил содержание.

Мне не нравилось, что он так бесцеремонно и нагло впитывал мой мир. Буквально касался каждой детали, характеризующей меня. Создавал в уме цельный образ моего внутреннего мира. Я никому, кроме родителей и Марины, не разрешала входить в мою комнату. А уж трогать вещи и подав-

но. Но и сказать что-то против была не в силах. Словно онемела от его дерзости.

Адлер осмотрел створки шкафа, обклеенные наклейками еще с детства. Тут были и «Симпсоны», и фото героев «Моста в Терабитию», и уроки макияжа и контуринга, которые я распечатывала и расклеивала на шкаф перед конкурсом, чтоб самостоятельно сделать идеальный макияж.

– Досмотр окончен? Может, приступим к урокам? Ты ведь сам сказал, что уже поздно, – откашлявшись, наконец, вымолвила я.

Адлер обернулся ко мне и кивнул. Я пододвинула стул к моему письменному столу. Сама уселась на свой офисный. Адлер послушно сел на предложенное место рядом. Я включила настольную лампу и достала из рюкзака задания по алгебре и геометрии.

– Тут же все на русском. Ты ничего не поймешь в книге, – осенило меня. Но немец снова усмехнулся моей наивности. Открыл задание на закладке и быстро пробежался глазами.

– И ты это не понимаешь? – удивленно проговорил он. Глянув на мой растерянный вид, пробормотал: – Детский сад, честное слово!

– Ну, знаешь, я в девятом классе. Понятно, что ты давно прошел этот материал. А у нас скоро экзамен, между прочим, – уныло вспомнила я.

– Тут решение согласно теореме Виета. Еще нужно использовать формулы сокращенного умножения. Вот, смот-

ри, – Адлер взял чистый лист и быстро переписал пример. – Нам нужно преобразовать выражение. Давай же, девочка-космос, вспомни теорему Виета.

Он внимательно посмотрел на меня. Его уверенное лицо так близко. Я могла рассмотреть, как светлые волосы на бровях и ресницах блестят в свете лампы. Будто солнечные лучи пропускают и отбрасывают длинные тени под небесные глаза блондина...

– О чем ты думаешь? – вдруг грубо спросил Адлер. Я покраснела и уставилась в тетрадь.

– Женя, ты хоть какие-то теоремы знаешь? – спросил, наконец, мой учитель.

Мне было стыдно признать, но для меня вся эта математика была темным лесом, и я сейчас искренне восхищалась знаниями Адлера. Даже взглянула на него иначе.

– Я могу тебе спеть песню про числа, – неловко пошутила я.

Немец откинулся на спинку стула и отодвинул тетрадь и книгу с заданием от себя подальше.

– Тогда ты не нуждаешься в моей помощи. Тебе невозможно помочь за один вечер. Я должен прогнать с тобой программу с первого класса, с таблицы умножения. Хотя, могу поспорить, ты и ее не знаешь, – саркастически добавил немец.

Мне стало очень стыдно и обидно. Я резко встала со стула. И чтоб скрыть слезы, задрожавшие в глазах, быстро от-

чеканила:

– Я честно призналась, что ничего не понимаю. У меня творческий склад ума, и я не претендую на звание магистра высшей математики. От тебя требовалось просто решить этот чертов пример, чтоб я его переписала. Но ты считаешь: лучше самоутверждаться за счет моего унижения. Bravo, Адлер. Проваливай из моей комнаты. И я не хочу дружить с тобой, – последнее я добавила аж дрожа.

Верзила подался вперед. Долго всматривался в мое лицо, затем пододвинул обратно тетрадь и, не глядя в книгу, быстро расписал все решение.

– Ответ единица, – ответил он и встал.

Развернулся ко мне своей огромной спиной, закрыв все пространство в комнате. Я испытывала снова противоречивые чувства. Хотелось остановить его, извиниться, и в то же время скорее прогнать наглого и высокомерного немца, который считает себя умнее и лучше других.

Я промолчала, а он вышел из комнаты. Просто ушел, пропитав все мое личное пространство своими умопомрачительными духами и запахом своей безграничной силы. Я смогла выдохнуть только когда дверь внизу хлопнула.

Когда я ложилась спать, вспомнила и прокрутила весь вечер, проведенный с немцем. Почему-то стало очень тоскливо и грустно. Тем более, что я сказала ему, будто не хочу дружить с ним. Не смогла сдержаться и расплакалась. Усну-

ла, еще продолжая всхлипывать, вспоминая кристально чистые холодные глаза, выворачивающие душу наизнанку.

– Женька, привет. Во сколько будешь выходить? Мы с Никитой заедем за тобой, – щебетала Маринка на экране ноута.

Я подперла голову руками и длинные кудряшки засыпали мои щеки и прикрыли глаза.

– Привет, я не хочу сегодня никуда идти, – глухо проговорила я. Впервые мое сумасбродство не доставляло радости.

Целый день я бродила, как сама не своя. Только и думала, как бы найти предлог, чтоб сходить к Леннону. Я чувствовала, что обидела его. Он ведь сказал всю правду, что я ничего не соображаю. Даже в школе еле высидела все уроки, зарисовывая тетрадку нотами грустных песен. На геометрии учитель, как всегда, делал вид, что не замечает меня. Давно уяснил, что меня бесполезно позорить перед классом.

Хорошо было на Новогодних каникулах. Никаких заданий и скучных предметов. Только тренировки. Вот только и Елена Георгиевна осталась сегодня недовольна мной. Я все время фальшивила и завывала, как раненная волчица. Она даже не выдержала до конца и ушла чуть раньше. Она решила, что у меня переходный возраст и не наседала сильно, за что я была ей благодарна.

– Жека, ты что?! Не выдумывай. Пошли, мы ж ненадолго. Уйдем до двенадцати. Не подводи, подруга. Ты же знаешь, я без тебя не пойду. А я очень хочу увидеть Данила. Ну же,

вспомни, какой он красавчик, – восторженно потянула подруга.

Я уронила голову на стол. Я и забыла о Подольском, впервые с тех пор, как увидела его год назад.

– Ладно, к десяти вылезу в окно. Ждите, как всегда, чуть дальше ворот, чтоб папа не заметил машину, – устало выдохнула я.

– Ты платье стащила? – напомнила мне Маринка.

– Конечно, не переживай, – соврала я. Еще и платье надо незаметно вынести из маминой комнаты.

– Отлично. Ровно в десять будем справа от забора ждать. Все, до встречи, – улыбнулась подруга.

Когда ты самая младшая в компании, то свое мнение отстоять нереально. Ведь, если Марина обидится или Никита перестанет брать нас с собой на взрослые дискотеки, то мне останется только скучать в одиночестве и жить одними тренировками.

Преодолевая лень и отсутствие желания собираться, я таки прокралась в мамину комнату и стащила из шкафа черное облегающее платье в пайетках. Оно было с длинными рукавами и острыми плечами. Сверху полностью закрытое, но очень короткое. Пришлось прихватить у мамы колготы, а под низ надеть спортивный лифчик с поролоновыми подушками. Так появлялись хоть какие-то очертания груди.

По семейной традиции, родители постучались в девять. Пожелали спокойной ночи и пошли к себе в комнату отды-

хоть. Не заметили, что я накрыта по шею и скрываю платье. Я надела капроновые колготы и бархатные балетки. На каблуке у меня только танцевальные босоножки. Но в них зимой даже смешно выходить. А мамина обувь для меня на два размера больше, можно легко сломать шею.

Я наложила на скулы румяна и прошлась хайлайтером по щекам. Чуть подкрасила губы розовым блеском. Волосы завязала в высокий тугой хвост. Достала пуховик и шапку из-под кровати. Довольная собой и немного возбужденная, я ловко вылезла в окно и спустилась по карнизу вниз. Он обледенел на морозе, и я чуть не сорвалась на пол. Но вовремя перехватила руки и смогла спуститься без травм.

Побежала что есть мочи по ледяному морозу к машине друзей. Они моргнули фарами, давая понять, что ждут. Перед самым носом Маринка открыла сзади дверь, впуская меня. Мы уселись вместе на заднем сиденье. Впереди сидел Никита с другом Тимуром. Полненьким юмористом, одного с ним возраста. Им уже исполнилось по восемнадцать, и они чувствовали себя очень крутыми и взрослыми. Я им всем добродушно завидовала. Так хотелось быть уже старше...

– Так, а что ты им сказал? – смеялся Никита. Парни вскользь поздоровались со мной, а когда мы поехали, принялись обсуждать прерванный разговор.

– Я притворился старой бабкой. Сказал, что внук сбежал из дома, и я не знаю, где его искать, – и они громко заржали. В машине воняло пивом и сигаретами.

Маринка достала из пачки тонкую сигарету. Подкурила и протянула мне. Я сделала пару затяжек и передала вперед Тимуру.

– О чем это они? – спросила я подругу так, чтоб поддержать разговор. Мне вообще-то было все равно, что они обсуждали без меня.

– К Тиму опять приходили из военкомата. Он же прячется от армии, вот и притворился бабулей, чтоб не открывать им дверь, – пояснила подруга.

– Понятно. Мне кажется, ему пошла бы армия на пользу. Кстати, Никита тоже прячется или решил отслужить? – добавила я.

– Не. Папа купил ему уже белый билет. Куда ему в армию с его заскоками и чувством справедливости?! Только и будет, что отхватывать там за свой длинный язык, – пояснила подруга.

Я кивнула и уставилась в окно. Молчала.

– Ты сегодня странная. Женька, все в порядке? – взволнованно тронула мое плечо подруга.

– Просто получила двойку по геометрии. А так все okay. Не парься, – соврала я Маринке.

Тимур чуть обернулся, и его пухлое лицо расплылось в сальной улыбочке.

– А хочешь, мелкая, я тебя поднатаскаю. У меня математика всегда была на отлично.

– Спасибо, не надо. Мне и без тебя хватает учителей, –

буркнула я и память услужливо подкинула образ немца в моей спальне. Эх, зря я обидела Адлера... Даже грустно как-то.

В клуб нас провели с черного входа, и мы быстро уселись за столик в углу. Официантка на смене, Даша, встречалась с Никитой. Поэтому, не спрашивая у нас с Маринкой документы принесла нам по алкогольному коктейлю. Я обычно не пила, и подруга выпивала второй. Я и курила-то максимум пару тяг за вечер, боялась потерять голос.

Вскоре все оживились. Пришла компания мажоров. И Данил Подольский с Лерой сразу приковали наши взгляды. Мы всегда сидели, как мышки в углу и шпионили за их взрослой компанией. Старались не выделяться и почти не танцевать. Потому что если б нас кто-то заметил, то могли б рассказать родителям. Тогда моим вылазкам точно пришел бы конец. Маринку и так отпускали, но она сидела со мной за компанию.

– Ой, ну, какой же он секси. Вот бы он стал моим первым мужчиной! – мечтательно потянула уже подвыпившая подруга.

Я уставилась на нее удивленным взглядом.

– Не смотри на меня так, Женька. Ты еще маленькая просто. Вот будет тебе шестнадцать-семнадцать – уже начнешь по-взрослому мечтать о мальчиках, – со знанием дела она покачала головой. Я прыснула со смеха.

Когда мне будет шестнадцать, я поеду в первое турне с сольными концертами. Я в это искренне верила. А мужчи-

ны, это где-то к двадцати. То есть совсем не скоро.

– Ты знаешь, а я ведь целовалась уже, – вдруг выдала подруга, и я посмотрела с еще большим удивлением. Можно считать, что с Адлером я тоже целовалась, вспомнила я!

– Помнишь, я тебе рассказывала про одноклассника, который пригласил меня на выпускной? – продолжала подвыпившая Маринка, продолжая потягивать мохито.

– Стас?

– Точно, он. Так вот, он пришел поздравлять меня на Новый Год. Подарил милого мишку и сам поцеловал меня. Представляешь, сам! – и подруга смешно закатила глаза.

– Зачем же мы тогда тут пасемся и шпионим за Подольским, если у тебя появился Стас? – спросила я, пытаюсь понять логику подруги.

– Ну, я... В общем, я не знала, как тебе сказать. Потому что Стас предложил встречаться, и я согласилась. Подумала, что ты обидишься, что мне больше не очень нравится Данил, – виновато проговорила подруга.

Так вот, почему мы после Нового Года совсем не виделись и мало разговаривали. У каждой из нас появились свои тайны.

– Не парься. Он мне уже тоже не сильно нравится. Так разве что чуть-чуть, – неожиданно для себя выдала я. А ведь Данил мне действительно менее симпатичен, чем раньше.

– Видно, взрослеем. Или понимаем, что такой парень не нашего поля ягода, – с заумным видом добавила Маринка

и тут же встрепенулась: – О, посмотри, какой парень к ним подсел. Ничего себе. Я его раньше здесь не видела. Скорее всего, новенький.

Я проследила за окосевшим взглядом подруги и громко выдохнула. К столику с компанией Подольского подошел Адлер. Высокий, в светлой рубашке и черных классических брюках с творческим беспорядком на белокурой голове и своими холодными голубыми глазами. Немец был крупнее даже Данила. Парни почтительно встали и поздоровались с Адлером за руку. Расчистили ему место за столом. И тот с небрежностью аристократа гордо уселся на свободное место на диване.

У меня сперло в груди. Даже дышать стало тяжело.

– Ого, смотри, новенького так быстро приняли. Он просто огромен. Скала. Ты видела, какие у него широкие плечи. Наверное, пловец, – не унималась Маринка.

– Он боксер, – глухо ответила я.

– А ты откуда знаешь? – подруга перевела на меня недоверчивый взгляд.

– Потому что он и есть мой сосед, Адлер Леннон, – проговорила я, не спуская глаз с его спокойных движений.

Адлер вальяжно расположился за столом. Чуть раскинул длинные ноги и взял в руку бокал с выпивкой. Лера склонилась к нему, игнорируя Подольского. Ее длинные ровные волосы касались плеча немца. Она облизывала свои пухлые губы и, когда он ей что-то сухо и равнодушно отвечал, начи-

нала заливисто смеяться и демонстративно закидывать голову. Адлер несколько раз опускал красноречивый взгляд на ее роскошное декольте.

Я почувствовала себя совсем ничтожно. Этот красивый парень проявлял ко мне интерес, а я сама отшила его. Прогнала из своего дома. Такие надменные и гордые мужчины не прощают оскорблений. А глядя на то, как Адлер позволял Лере касаться своих плеч и гладить мускулы на руке, мне вообще захотелось выцарапать ей глаза.

– Адлер Леннон! Боже, он такой крутой. А ты его описывала как противного наглого немца, фашиста! Женька, ты совсем ребенок, ничего не понимаешь в мужской красоте. Да он как греческий бог Апполон. Нет, скорее, как бог войны, Арес. Сильный. Мощный. Ух, я аж всю историю вспомнила, – не унималась подруга.

– Прекрати, – тихо выдохнула я.

– Ой-ой! Женька, кажется, ты покраснела! Малышка, да ты втюрилась в этого спартанца! – ошарашенно подтвердила мою догадку Марина.

– Ты болтаешь чушь! Успокойся, ты уже пьяна! – прошипела я грозно на подругу.

Наконец, Лера отлипла от Адлера и летящей походкой, размашисто виляя бедрами в коротком платье, упорхнула в сторону дамских комнат. Мне аж дышать стало легче. Мысленно я пожелала девушке сильного расстройства, чтоб она не возвращалась за стол. Парни за столом продолжали что-то

обсуждать. Выглядели веселыми и беспечными. Адлер вел себя сдержанно. Кивал и коротко отвечал на вопросы.

– Ты должна с ним поговорить, Жень, – никак не унималась подруга.

– С Адлером?

– Ну да. Не с Дедом Морозом же. Скажи, что он тебе нравится.

– Ты что! Он рассмеется с меня. Мне четырнадцать, ему девятнадцать. Я для него ребенок. Нет. Я не буду. Даже не подначивай меня, – упорно отказывалась я, а Маринка победно смерила меня довольным взглядом.

– Так и знала, что ты втюрилась! А еще отрицаешь. Ну точно ребенок!

– Отстань, я уже достаточно взрослая, раз ты берешь меня с собой на дискотеки.

– Так я ведь присматриваю за тобой, чтоб ты ни во что не встряла, – ответила подруга.

Да уж, это кто еще за кем присматривает. Обычно именно я тащу ее домой.

– О, вон твой шанс. Немец встал и идет в сторону туалетов. Давай, беги к нему. Подождешь у двери, а когда он выйдет, сделаешь вид: типа вы случайно столкнулись. Слово за слово, скажешь, какой он красавчик и что ты не прочь с ним встречаться, – озабоченно залепетала подруга.

Я поерзала на замшевом диване. Встречаться со взрослым парнем – очень плохая идея. Он сразу охладит мой пыл од-

ним взглядом своих ледяных глаз.

– Давай, иди, я сказала. Потом будешь жалеть за свое малодушие. Трусиха. Ребенок, – подруга подливала масла в огонь, и я уже чувствовала, как в этом масле закипает и пенится моя злость.

– Я пойду. Но если он мне нахамит, то виновата будешь ты. И я не буду говорить, что он мне нравится. Я просто попрошу прощения, за то, что вчера так грубо его оскорбила, – наконец сдалась я.

– Вот и повод для разговора появился. Молодец, давай, вперед, – и она подтолкнула меня в спину так, что я чуть не растянулась на глянцевого полу.

Пока я дошла к дверям в уборные, уже сто раз передумала разговаривать с Адлером. Как представила, что стану перед арийским громиллой, так и ноги подкашивались от страха. Он вообще на меня слишком странно влиял и глубоко волновал. Выводил из зоны равновесия и комфорта одним суровым взглядом.

Я потопталась в нерешительности у мужского туалета, ожидая Адлера. Окончательно разнервничалась и решила перенести разговор в более спокойное место. Может, на днях зайти случайно к его бабуле в гости.

Решила пойти умыться и уговорить Никиту отвезти меня домой. Хоть на тот момент я и считала себя достаточно самостоятельной и взрослой, все-таки решила повременить с ночными гуляньями пару лет. Никакой радости в дискоте-

ках, только спать хочется. А танцев мне и на тренировках хватает.

Подошла к дамской уборной, попыталась открыть дверь – заперто. Бывает иногда она заедает. Я навалилась на замок и прижала боком дверь. Она не поддавалась. Но то, что я услышала, четко дало мне понять, что там Адлер с Лерой...

Я быстро выбежала, сопровождаемая его громким утробным рыком. Боже, он чудовище! Настоящий дикий зверь! Монстр! В каком-то тумане, я забрала из гардеробной верхнюю одежду. Надевала все на улице. И бежала... Бежала...

Слезы лились по щекам и замерзали на морозе, превращаясь в ледышки. Щеки больно саднило от них, но я продолжала бежать. Ноги обледенели в тонких балетках. Несколько раз я поскользнулась и упала, больно расшибив колени. До дома добралась на автопилоте. Вбежала во входную дверь задыхаясь и рыдая, будто меня ранили. Глубоко под ребра. В самое сердце.

Скинула пуховик и шапку с шарфом и, перескакивая через две ступеньки, забила в свою комнату. Попыталась успокоиться, чтоб не разбудить родителей. Но от этого лишь громче рыдала. Скинула платье и стянула порванные и пропитанные кровью колготки. Решила пойти в душ, чтоб согреться. Потому что зубы стучали даже громче, чем я всхлипывала.

Говорила себе, что я ненавижу Адлера. Никогда не буду с ним больше общаться. Он грязный, низкий человек. Пош-

лый развратник. Он предал мои светлые чувства. Он слишком взрослый для меня. Ему нужен разврат. Порок. Ему не нужна моя наивная дружба. Я для него «детский сад».

Я думала, что умру от горя. Так мне больно и тяжело давалось осознание того, что мир не идеален. Что парень, который мне понравился, оказался бабником, занимающимся непотребством в туалетах клуба. Полночи я не могла уснуть. А потом забылась в бреду.

– Женечка, детка, ты вся горишь, – слова мамы вырывали меня из блаженного забытья. Она заботливо приложила ледяную руку к моему лбу и тут же отдернула. – У тебя высокая температура. Сейчас вызову врача, крепись родная...

Я снова впадала в краткосрочный сон. Чувствовала то жар, то озноб. Меня сильно лихорадило. Я так давно не болела, и осознание того, что это случилось из-за Адлера, меня окончательно раздавило. Врач пришел быстро. Поднял меня и раскрыл, отчего я снова начала дрожать. Он послушал легкие, посмотрел горло и нос, смерил мне температуру. Затем выписал назначение и ушел.

Весь день я металась, словно меня пожирал бушующий в душе огонь. Мама будила меня и вливала в меня горькие сиропы, давала таблетки и заставляла пить крепкие отвары из лесных ягод. К вечеру температура спала, и я чуть успокоилась. Смогла дышать ровнее и уже не чувствовала озноба. Уснула более умиротворенно, расслабилась.

Проснулась, когда за окном стемнело. Сразу почувствовала давящую ауру. Холодную. Ледяную. Пошевелилась, чуть приподняла голову и увидела Адлера. Он сидел ровно, не шевелясь, на кресле, которое пододвинул к изголовью моей кровати. Вид у него был мрачный. Брови сведены в немом укорке к переносице, светлые глаза смотрели прямо в мои, губы недовольно поджаты. Вся его поза выдавала напряжение. Пальцы рук были переплетены в замок и лежали на коленях. Мне он показался демоном. Жестоким арийцем. Его выражение холодного, отстраненного лица и внешний вид были мрачными.

На него был надет вязанный пуловер черного цвета по самое горло и классические брюки. Я упала назад в подушки и закрыла глаза. Не хотела на него смотреть.

– Ты проснулась, я видел, – спокойно произнес он. Я упорно молчала. Даже его голос, тихий, бархатный, вызывал во мне отвращение. Зачем он пришел?!

Кровать просела под тяжестью тела этого огромного верзилы, и я поерзала отодвигаясь подальше. Адлер бережно убрал прилипшие от жара волосы с моего лица, и я дернулась, не желая ощущать огонь от его прикосновений.

– Маленькая, наивная девочка-космос. Скажи, Евгения, зачем ты пошла за мной в клуб, а потом в туалет? – тихо спрашивал он.

Я почувствовала, как от упоминания о вчерашнем вечере слезы непроизвольно потекли из глаз.

– Я хотела извиниться. Думала, что обидела тебя своей грубостью, – проговорила я. Мой голос звучал очень жалобно и тихо.

Адлер вздохнул. Смотрел на меня, не отрываясь. Я не могла выдержать его свинцовый тяжелый взгляд и отвернулась к стенке. Он наклонился к моему профилю и провел носом по щеке, едва касаясь. Я услышала его дыхание. Обычно равнодушное и спокойное, а сейчас сбивчивое, громкое. Я снова всхлипнула.

– Маленькая девочка. Испугалась. Убежала, – шептал он возле самого моего уха, и дрожь волнами расходилась по моим венам.

– Уходи, Адлер. Я в тебе очень ошиблась. Ты мне не друг. Никогда им не будешь, – сквозь слезы сказала я.

Он же вместо того, чтоб уйти, собрал пальцами мои слезы. Затем развернул за подбородок мое лицо к себе. Он был так близко. Его глаза смотрели прямо в мои. Наше дыхание слилось в одно. Мне стало тяжелее вдыхать, ощущая запах его тела и духов. Такой взрослый, красивый. Это был необыкновенно прекрасный момент. Тогда мне стало спокойнее. Рядом с ним, в его сильных больших руках. Я сама подалась вперед и поцеловала его губы. Неумело, робко.

Он отстранился первый. Прижал мою голову лбом, пытаюсь выровнять сбившееся дыхание. Я смущенно покраснела. Я ведь хотела его прогнать, высказать свою злость. А вместо этого сама потянулась к нему за поцелуем.

– Что ты со мной делаешь, девочка-космос! – хрипло проговорил он.

Затем выровнялся, взяв эмоции под контроль и выдал:

– Я уезжаю завтра с утра. Пришел попрощаться. Я вернусь за тобой, когда ты подрастешь. Помни, ты теперь вся моя. Мой космос.

Я смотрела на него удивленно, не понимая, правду ли он говорит. Но Адлер был уверен в своих словах и верен своему мнению.

– Я не хочу, чтоб ты уезжал, – честно призналась я. На языке крутились слова, что я мечтаю стать его девушкой, встречаться с ним. И пусть я не готова к более развязным отношениям, мы ведь можем пока дружить, быть вместе. И словно, подслушав мои мысли, он добавил:

– Ты еще очень маленькая.

– Я большая и все понимаю, – огрызнулась я, но Адлер продолжал:

– Когда тебе исполнится восемнадцать, мы возобновим то, что начали, я вернусь за тобой. Пока я тебя очень прошу, не ходи больше в то заведение. Тебе надо учиться, петь и танцевать. Тебе не нужно посещать ночные клубы. Я запрещаю, – тверже добавил мой тиран. А я лишь кивнула. Не хотелось рушить тот хрупкий мир, что возник между нами. Тем более, что я и сама туда не собиралась больше ходить.

– Ты будешь мне звонить? – с надеждой спросила я.

Но парень медлил с ответом, взвешивая все за и против.

Затем, наконец, произнес:

– Пожалей меня, малышка. Я обещаю к тебе приезжать. Давай мы не будем друг друга мучать звонками и видео. Иначе я не выдержу и приеду гораздо раньше. А этого я допустить не могу, – устало выдохнул Адлер.

Я кивнула. Было очень обидно, но я предполагала такой его ответ. Он взрослый. Я видела то, что ему нужно от девушки в клубе. Я не могу ему это дать. По крайней мере, сейчас.

– Пообещай мне кое-что, – прошептала я.

Адлер склонился чуть ниже, промолчал. Не хочет зря обманывать, ждет, что я попрошу. Я вытащила руку из-под одеяла и коснулась его упругих гладких губ. Провела по ним от края до края. Парень дрогнул и его взгляд затуманился. Радужка из небесно-голубой превратилась в дымчато-синий.

– Пообещай, что никого не будешь целовать. Только меня, – выдохнула я.

Адлер прихватил губами мой указательный палец, чуть сжал. Затем отпустил и резко встал. Наши игры определенно заводили его и мучали его плоть, желающую большего.

– Обещаю. Не переживай, я никого, кроме тебя, и не целую, – усмехнулся он на бок, сказав красивое лицо страдальческим выражением.

– Я тебе верю, – честно призналась я.

Пока он не обманул, я буду искренне и открыто относиться к нему. Внутренняя женская интуиция подсказывала, что

он не обманет меня. Большого просить я не могла. И даже в четырнадцать понимала, что не могу требовать долгие томительные годы верности от здорового крепкого мужчины.

– До встречи, девочка-космос.

– До встречи, Адлер Леннон.

Высокий стройный блондин. Идеально сложенный с развитой мускулатурой. Современный и аристократичный ариец. Именно таким я тогда запомнила Адлера. Мужчину, покоровшего меня своими бездонными чистыми озерами глаз. Прямой, уверенной осанкой и безграничными чувствами, испепеляющими отныне нас двоих.

Как много ошибок мы допустили в дальнейшем...

Тогда я не могла знать о том, что ждет нас в будущем. Но его прощальный, полный скорби взгляд и первый жаркий поцелуй, позволили мне пережить томительное ожидание нашей следующей встречи.

Уважаемые читатели, интересно ваше мнение, как вам книга?)

Ваша Анна Штогрин!

Адлер сдержал обещание: уехал и не объявлялся в моей жизни. Постепенно пережитые эмоции утихли и на смену им пришла рутинная, спокойная жизнь. Выматывающие тренировки, обучение. Мечта стать знаменитой певицей крепла

во мне с каждым моим вздохом. Если раньше я занималась усердно, то после расставания с Адлером, я перепрыгнула в своем творчестве на целую голову. Занялась дополнительно сочинением стихов и песен.

Мне исполнилось шестнадцать, и творчество лилось из меня неудержимым потоком, извергалось, как лава из вулкана. Елена Георгиевна и ребята из звукозаписывающей студии помогали реализовывать мой талант. Редактировали песни и накладывали их на совершенно потрясающую музыку.

Текст первой моей сольной композиции принадлежал полностью мне. А музыку написал Диджей Саммет, или просто Костя. Высокий худой парень в модных татуировках подрабатывал в ночных клубах и закрытых вечеринках. Маринка все время акцентировала внимание, что он просто влюбился в меня. Именно поэтому занимался благотворительностью и помогал начинающей певице, то есть мне. Но сам Костя всегда подчеркивал, что видит во мне расцветающий талант и хочет, чтоб под моими песнями звучали его ноты.

Папа купил мне дрона с камерой в HD качестве и, когда в очередную весну потеплело, мы поехали большой компанией к морю снимать первый серьезный клип. Сюжет был продуман и прописан заранее. Мы с ребятами методом мозгового штурма соорудили что-то наподобие сюжета.

Я должна была петь на пирсе в море. Никита управлял дроном и снимал обзорные видео с неба. Вторую камеру мы

установили на треногу на самом пирсе. По нашему импровизированному сюжету все было довольно просто. Песня была про любовь с куплетами репа, которые зачитывал Саммет. Мы заранее записали песню в студии. И включали ее на телефоне с подключенной колонкой, чтоб попадать в ритм.

Мы танцевали и пели, а видео помогал снимать Никита. У него оказалась невероятная тяга к нашему творчеству. Еще, как старший брат Маринки, он всегда присматривал за нами с подругой и частенько защищал на вечеринках от пьяных настырных поклонников. Его друга, Тимура, таки забрали в армию. И он уже должен был вскоре вернуться со службы. В общем, у нас получилась очень дружная и веселая компания. Душевная и добрая.

Мы часто ездили участвовать как музыкальная группа в разных конкурсах и проектах. Маринка сначала пела со мной дуэтом некоторые песни. А затем сказала, что сцена ее не захватывает настолько сильно, как меня. Но на подпевке участвовала в концертах.

Впереди было мое последнее лето перед поступлением, и я дополнительно занималась с репетиторами, готовилась к вступительным экзаменам.

– Женечка, надо, чтоб ты присела. Помнишь, как в танце мы учили, – напоминала все время Елена Георгиевна и показывала сзади камеры на пирсе забытые движения. – Здесь сильный ветер, поэтому стой лицом в ту сторону. Тогда твои локоны не закрывают твое лицо. Смотри, поднимите вместе

с Костей руки над головой и станете друг к другу спинами. Вот так.

Женщина взяла руки Маринки и показала со стороны, как правильно исполнить эти движения. Затем подруга вступила в разговор:

– Жека, я включаю прямой эфир в Инсту, чтоб наши подписчики следили за съемкой, – я улыбнулась и кивнула.

Мы снимали много часов подряд. Переснимали одинаковые дубли сотни раз, чтоб потом выбрать лучший. Костя шепнул в какой-то момент мне на ухо:

– Даже не верится, что ты сама написала эту песню. Она такая глубокая и чувственная. Уверен, это будет хит. Я выложу клип на своем канале в Ютубе первый. Ты можешь через сутки после меня разместить ее у себя.

Я удивленно посмотрела на парня. Может, я и маленькая, но точно не дура. Под его лестью было замаскировано желание сорвать первые лавры. Я покачала головой.

– Нет, прости, но так не будет. Выкладываемся вместе и со ссылками друг на друга. Это будет честнее.

Высокий брюнет чуть прищурил свои карие глаза в недовольном выражении. Костя долго смотрел на меня, но я выдержала и не отвернулась.

– А ты хваткая, мелкая, – наконец, улыбнулся он. – Ладно, Женька, будь по-твоему. Тем более, что это первый наш совместный клип.

Я облегченно выдохнула. Не хотелось бы в этом уступать,

но я знала, что, если б он настоял, я вынуждена была б сдать-ся.

Закончили мы, когда начало садиться солнце. Голодные, за весь день успели перехватить только приготовленные заранее бутерброды, но счастливые и довольные, мы поплелись к машинам. Забрали все оборудование. Хотелось скорее начать монтаж. Но все понимали, что это уже нереально.

– Приступим завтра, – скомандовал Никита. Я согласно кивнула.

– Кстати, Жень, а когда ты уезжаешь в свой лагерь? – вспомнила Маринка.

Выпускной в школе мы уже отгуляли. На дворе заканчивался май, а значит:

– Через неделю. Но я не могу не поехать. Ты ведь знаешь, родители каждый год бронируют для меня смены. Тем более, это последний год, когда меня берут по возрасту. Говорят, в этом году в «СтартТайме» преподавать будут Стас Яров и Анжелика Могилева. После «Танцев» я стала их кумиром, – восторженно вспомнила я.

– Всунешь им по копии нашего клипа, – добавил Саммет.

– Конечно, попытаюсь, – уклончиво ответила я, не люблю навязываться, тем более таким значимым артистам. Куда уж нам до них. Но я верила в свои силы, поэтому попытаться все же стоило.

– Ого, смотри, на прямой эфир уже подключилось пятьсот фолловеров, – воскликнула Маринка, глядя в телефон.

Мы захлопали. Это первый успех. Вопросы сыпались сплошным потоком. В основном наших подписчиков интересовали наши отношения с Самметом.

– Давай закинем пушку, типа мы пара и встречаемся, – вдруг предложил Костя. Я посмотрела на него, оценивая, серьезно ли он предлагает себя в качестве пиара. Но парень говорил уверенно.

– Если ты не против, то я только за. Это же будет подъем рейтинга в два раза! – воскликнула я.

Костя улыбнулся и привлек меня за плечи.

– Я могу тебя, мелкая, реально в качестве своей девушки рассмотреть, – он мне подмигнул.

Подобное предложение уже меня точно не интересовало. Поэтому я отстранилась и осторожно сняла его руку с плеч.

– Мне это очень льстит, но мне всего шестнадцать. Поэтому будет лучше, если мы понарошку поиграем во влюбленных друзей.

– Вечно забываю, что ты еще такая кроха. Ладно, через два года поговорим, – и он опять мне заговорщицки подмигнул.

Кто-то, помнится, уже обещал дождаться моего совершеннолетия. Косте придется стать в очередь за огромным арийцем. Только боюсь, что его и видно за ним не будет. Я не хотела думать, что Адлер забыл меня. За годы, что мы не виделись, мои чувства к нему трансформировались в немое обожание. Воспоминания о его холодном бруталь-

ном образе скрашивали мои одинокие вечера.

– Женька занята. Ждет своего немца, – вдруг вклинилась Маринка.

Я посмотрела на нее удивленным взглядом. Зачем она выдает мои секреты, которые я лично ей передала?!

– Он что, с Тимуром в армии? – неожиданно заинтересовался моим избранником Саммет. Мы подошли к машинам. Никита открыл свою старенькую Toyota Corolla, а Костя современный кроссовер Mazda CX-5. Я, как всегда, последовала за подругой и преподавательницей к Тойоте.

– Нет, он укатил в свой Берлин. Но пообещал через сотню лет вернуться. Вот наша наивная Женечка и ждет, – подруга обняла меня за плечи, утешая. Но мне совсем не понравилось то, что она говорила и с какой интонацией. Я высвободилась из ее рук и внимательно посмотрела на нее. Неужели это в ней зависть говорит, или ревность. А, возможно, обычная глупость. Ведь я никогда не выдаю ее секреты. До нее дошло, наконец, что я не зря сверлю ее взглядом. Она виновато улыбнулась.

– Упс, прости, Жень, не думала, что это тайна. Я так, чтоб к тебе зря не приставали. Ты ведь, типа, занята.

– Спасибо, конечно, но я и сама за себя могу отвечать, – недовольно парировала я.

– Девочки, не ссорьтесь. Уже темнеет, и всем пора по домам. Тем более, что завтра выходной и у нас тренировки с десяти утра, – напомнила Елена Георгиевна, разряжая нака-

ленную атмосферу.

Я кивнула и уже хотела сесть, как Костя удержал меня за локоть.

– Поехали со мной, мелкая. В тачке и так битком набито. Я подкину с ветерком, – предложил парень.

Я засомневалась. После всего, что он для меня сделал, не хотелось его обижать. Тем более, нам предстоит в ближайшем будущем изображать пару. Наши мысли сошлись, потому что парень добавил.

– Сделаем в машине и у дома пару фоток. Пока будешь в лагере, будем выставлять в сеть. Подогревать интерес, чтоб не зачахнуть в зародыше. А там, глядишь, когда вернешься, сообразим еще один совместный клип, – завлек меня Костя.

Я сразу закивала. Просить его о дальнейшем творчестве я была не в праве. Но то, что он сам предложил, это было круто. Упускать такую возможность глупо. К тому же, у него фанатов в десять раз больше, чем у меня.

– Конечно, поехали, – согласилась я.

Попрощалась со всеми у Никиты в машине и пошла за Самметом. Ехать в его машине, однозначно, было приятнее. Он сразу включил свои треки, и я расслабилась. Откинулась на удобное кожаное сиденье и скинула туфли на убийственных каблуках. Потерла ступни и от блаженства аж заскулила. Поджала ноги по-турецки.

Костя усмехнулся, посмотрев на меня.

– Всегда удивлялся, как вы, девчонки, можете передви-

гаться на этих ходулях!

– Не знаю. Ты меня часто видишь на каблуках? Я обычно в кроссовках хожу. Это для клипа надела. На них ходить нереально. Поверь! – я закатила глаза, а парень заливисто засмеялся с моего страдальческого выражения лица.

– Поверю на слово. Проверять не буду. Тем более, туфли сорок четвертого размера не найти.

– Ну это ты зря так думаешь. Вон «Казахи» выступают в таких же туфлях. Даже танцуют.

– Сравнила! – обиженно пробормотал Костя, выезжая из поворота на главную улицу. – Я ведь не пидор крашенный!

– Прости, я не сомневаюсь, что ты любитель девушек. Это к слову вспомнилось, – виновато пробормотала я. Надо бы научиться держать язык за зубами.

– Забей. Я не обидчивый. Ты прикольная: такая мелкая и в то же время боевая, творческая, – вдруг добавил он. Мы остановились на светофоре. Он глянул на меня уже знакомым заинтересованным взглядом.

– Та клуша правду сказала, что у тебя бойфренд за бугром? – серьезно спросил Костя.

Я отвернулась к окну. Уже начинало темнеть, и на магазинах и кафешках включали вывески. Я постаралась сосредоточиться. Эта тема была моим больным местом.

– Не знаю, – честно прошептала я. Ведь от Адлера за два года я не получила ни одной весточки. Ни поздравления с праздниками или днем рождения. С его стороны это было

равнодушно и жестоко.

– Когда узнаешь, скажешь. Мое предложение в силе, и я не шутил. Хочу с тобой встречаться, – прямо сказал Костя.

Я даже не оборачивалась. Чувствовала, что он снова смотрит на меня. Это очень тяжело – жить в неопределенности. Но еще хуже давать надежду другим парням, когда мое сердце обледенело от взгляда холодных айсбергов глаз!

– Не грузись. Все окей. Нам еще пару счастливых фоток сделать надо. И знаешь, я бы на месте твоего иностранца, не оставлял бы тебя ни на минуту без присмотра. Ты уникальная, фантастическая девочка, – добавил с вымученной улыбкой Костя.

Я слабо улыбнулась в ответ. Возле моего дома Саммет остановился и заглушил двигатель. Обернулся ко мне всем телом и достал Айфон. Включил камеру. Направил на меня.

– Улыбнись. Хочу сделать пару пробных снимков, – командовал он. Я сразу приняла артистическую позу и заулыбалась дежурной улыбкой. – Ты невероятно фотогенична. Только глаза грустные. Вот посмотри.

Он развернул ко мне экран мобильного. Я подалась вперед. Костя резко отодвинул телефон и перехватил меня под талию. Притянул к себе и поцеловал прямо в губы. Я не успела отшатнуться: все происходило, как в кино. Вот кадр, где я сижу улыбаюсь, а вот уже следующий, где парень накрыл мои губы своими.

Щелчок камеры. Я не пустила его в рот. Крепко сжала зу-

бы в раздражении. Мы так не договаривались! Костя отстранился. Понял, что перегнул, но, чтоб скрыть разочарование, посмотрел на дисплей телефона.

– Так гораздо лучше. И никто не засомневается, что мы встречаемся.

– Не нужно было, – обиженно выдохнула я и дернула ручку на двери, чтоб скорее выйти. В одном пространстве с Костей резко стало душно и мало места. Он намеренно вторгся в мое личное пространство. Посягнул на мою свободу. Обманул.

Ощущение, что меня предал друг, неприятно кольнуло шпильками под ребра. Дверь послушно раскрылась, и я, не оборачиваясь, побежала к дому. Саммет вышел за мной следом. Догнал у самого дома. Еле успел схватить меня за руку и развернуть к себе мое лицо, пылающее злостью и обидой.

– Прости, мелкая. Это ж для дела надо было, – виновато говорил он, переводя сбившееся дыхание.

Я молча кивнула. Говорить ничего не хотелось. Он смотрел на меня испытующе сверху вниз. Понял, что перегнул палку. Я высвободила руку и пошла к дому. Он больше не догонял и не останавливал меня.

– Я буду ждать тебя из лагеря, Жень, – добавил он перед тем, как я закрыла дверь.

Визуализация в блоге! Добро пожаловать!) Джеки Кос-

Третий день в лагере не предвещал беды. И вообще каких-либо событий из ряда вон выходящих. Я сразу сдружилась с ребятами. Маринка со мной уже не ездила, не проходила по возрасту. В этом году мы шумно отметили в клубе ее совершеннолетие, и я впервые выпила бокал шампанского. Сильно окосела и решила, что алкоголь – это не мое.

Моей соседкой по комнате была тихая девочка из глубинки. Она не разделяла моих восторгов по поводу раскручивания канала на Ютубе, но терпеливо выслушивала анонсы моих предстоящих выступлений и предположения относительно успеха готового клипа. Его уже на днях должны были выложить в интернет. Я очень нервничала и ждала реакции зрителей.

Вечером после ужина к нам в комнату зашла вожатая и сказала, что у меня посетитель. Странно закатила глаза, говоря: «Там тако-ой мужчина! Познакомишь, Жень?» Я ожидала кого угодно, даже Саммета. Но реальность оказалась еще более фантастической. Когда я быстро натянула на купальник топ и шорты, распустила волосы и вышла из нашего флигеля, то обомлела.

Адлер Леннон собственной персоной ждал меня на проходной. К тому моменту ему исполнился двадцать один год. Но визуально огромный спартанец выглядел гораздо старше. Его суровое лицо с голубыми глазами, которые преследова-

ли меня все ночи напролет, чуть смягчилось при виде меня. Он выглядел очень стильно. Шорты чуть ниже колен открывали вид на мускулистые ноги с завитками светлых волос на крепких икрах. Внушительный торс с развитой мускулатурой был обтянут белой рубашкой поло с поднятым воротом. Верхние пуговицы у массивной шеи были расстегнуты, и я заметила, как дернулся выпирающий кадык при моем появлении. На лице у молодого мужчины быстро промелькнули все выражения, и он совладал со своей скупой мимикой. Теперь на нем не отражалось никаких эмоций. Холодное выражение, даже равнодушное.

Немец стоял, лениво облокотившись на перекладину ворот и держал руки в карманах. Вид уверенного в себе красавца, хозяина жизни. Я аж задохнулась от нахлынувших чувств. Он стал еще лучше, от него веяло мужской харизмой. Тяжелой властной аурой, присущей лишь ему.

Я старалась не выказывать своего волнения. Хоть и передвигала ноги с трудом, но все же не замедлила ход. Шла к нему, как на заклятие. Только вперед. Он затмил собой весь окружающий нас пейзаж. Когда я преодолела невероятно длинное расстояние, как мне тогда казалось, Адлер лениво оттолкнулся от перил мне навстречу. С грацией сытого хищника направился в мою сторону.

Он смотрел на меня, не моргая, сверлил взглядом, усиливая предательскую дрожь под коленками. Я ждала его эти годы. Сама не отдавала себе в этом отчет, но мечтала встре-

титься с ним. Поговорить. Прикоснуться к этому античному божеству. То, что обычный парень не мог выглядеть так роскошно, я была уверена. Мысленно наделяла его суперсилой. Которая в нем, наверняка, бурлила под упругой светлой кожей.

Я отметила, что Адлер коротко постригся. Очень. Вблизи теперь он напоминал строгого сурового военного. Раньше длинная челка придавала его лицу мягкости и милого очарования. Теперь же в его образе все было сухо, лаконично. Никакой подростковой дерзости и легкости.

Адлер подошел ко мне, и я задрала голову наверх. Я едва доставала до его плечей. Он, казалось, стал гораздо больше. Мужчина свел светлые брови к переносице и чуть склонил голову набок, пристально рассматривая меня. Его заинтересованный взгляд ледяных глаз задержался на моей груди, которая в эти годы стремительно росла, как на дрожжах. Затем он посмотрел на мои губы, и я невольно облизала их. Адлер судорожно выдохнул.

– Ну, привет, девочка-космос, – сказал он на английском и улыбнулся.

Даже мимолетная улыбка не могла смягчить его строгого выражения лица.

– Ну, привет, Адлер Леннон. Какими судьбами ты забрел сюда? – я постаралась придать своему голосу нотки легкости и уверенности.

– Приехал к тебе. Соскучился, – он пожал размашистыми

плечами.

Я улыбнулась.

– Если хочешь забрать меня, нужно расписаться в журнале посещений и показать паспорт, – ответила я.

Мужчина кивнул. Он достал что-то из кармана и протянул мне. Я рассмотрела цветок и взяла его. Это был бутон красной розы. Свежей, красивой. Я удивилась.

– А где же ее стебель?!

– Зачем он? Это самое сердце цветка. Потом засушишь, – спокойно проговорил он.

Я понюхала розу и не смогла скрыть очередную улыбку. Сердце предательски пропускало гулкие удары. Сам Адлер Леннон, гроза парней и влажная мечта девчонок, пришел ко мне с цветком, как на свидание.

– Ну, пойдём. Где надо расписаться, чтоб забрать тебя? – спросил он.

Мы прошли на пропускной пункт. Охранник недоверчиво смерил Адлера испытующим взглядом. На лице немца не дрогнул ни один мускул. Пожилой мужчина достал смартфон и сфотографировал заграничный паспорт моего похитителя. Затем Адлер расписался и указал в книге посещений, что вернет меня к десяти.

Во мне ликовало и бурлило возбуждение. Я предвкушала целый вечер с таким желанным мужчиной. Я стала гораздо старше. И в свои шестнадцать с хвостиком считала себя уже полноценной девушкой, за которой можно и нужно ухаживать.

вать. Приглашать на свидания.

Адлер взял меня за руку, и мы пошли в сторону моря.

– Погуляем? Ты не голодна? – спрашивал он, разрезая своим низким бархатным голосом неловкую тишину, возникшую от моего смущения.

– У нас только закончился ужин. Так что можем погулять, – ответила я, чувствуя себя самой счастливой девушкой на планете.

Адлер подстраивался под мои мелкие шажки, увлекая за собой вглубь побережья. Подальше от отдыхающих и праздных зевак.

– Расскажи, как твои дела? Как на вокальном поприще? – снова спросил он, нарушая тишину.

– Все хорошо. На прошлой неделе мы с ребятами снимали первый клип. Получилось очень круто. Со мной в дуэте выступал сам диджей Саммет. Ты сможешь посмотреть наш шедевр на Ютубе уже на днях. Ты ведь подписан на мой канал?

Адлер неопределенно передернул плечом.

– Кто такой, этот Саммет? – вдруг спросил он.

– Саммет? Один раскрученный диджей. Я познакомилась с Костей в студии звукозаписи. Он мне очень помогает. Бесплатно пишет музыку к песням. А сейчас согласился читать реп в моем клипе, – гордо добавила я.

Для меня это действительно было очень значимым событием. Адлер кивнул и сменил тему.

– Как ты окончила школу? Сдала математику?

– О, не спрашивай! Это больная тема. Пришлось полночи писать шпаргалки. Телефоны забирали у всех на входе в аудиторию.

– Шпаргалки? Это что?

Я подумала, как объяснить на английском. Потому что я так и сказала это слово на русском.

– Такие подсказки на листиках, чтоб переписывать тайно из-под парты, – максимально доходчиво попыталась я передать суть.

– То есть ты пользовалась запрещенными подсказками? – удивленно посмотрел на меня Адлер и покачал осуждающе головой. Конечно, в Германии, если б засекли, что ты списываешь, исключили бы с экзамена без возможности передать или с выговором в личном деле. Немцу не понять нашу упрощенную систему образования. Да и, глядя на умного и проницательного мужчину, сразу понятно, что он сам может подсказывать на экзаменах кому угодно.

– Каюсь, но другого выхода получить нормальную оценку у меня не было, – улыбнулась я ему. Меня забавляло его искреннее недоумение.

Мужчина снова кивнул. Будто знакомился с обычаями нашей дремучей страны через меня. Выступать проводником полярно разных стран – нелегкая задача.

– А как твои дела? Чем ты занимаешься? Где учишься? – в ответ спросила я, желая поддержать разговор. Мне дей-

ствительно было интересно прикоснуться к жизни этого надменного красавца.

– На третьем курсе Берлинского университета Гумбольдта на факультете экономических наук, – просто ответил Адлер.

– Кто бы сомневался, – усмехнулась я. Конечно, с его знаниями точных наук, экономика в его крови.

– В нашем университете учились Карл Маркс и Феликс Мендельсон, – гордо добавил мужчина. Вот интересный! О своих достижениях умалчивает, а чужими восхищается.

– Уверена, что ты не пользуешься шпаргалками.

– Нет. У нас это запрещено. Но мне и не надо. Я люблю свои предметы.

– Как я свою музыку и вокал, – вторила ему я. Он снова согласно кивнул.

Все-таки, какие мы разные. Не похожи внешне: я против него мелкая пигалица. Отличаемся внутренним миром. Мышление Адлера исчисляется цифрами и терминами, а мое нотами и звуками.

«Есть ли между нами, хоть что-то общее...» – впервые задумалась я.

– А как ты развлекаешься? Ну в смысле отдыхаешь? – решила я прощупать нейтральную тему.

– Занимаюсь спортом. Зимой ездил в Андору с родителями, кататься на лыжах и сноуборде. Ну и конечно, хожу на студенческие вечеринки.

Теперь молча кивнула я. Представлять Адлера в окру-

жении красивых разодетых девушек в клубе, не хотелось. Но бурная фантазия подкидывала незабытое действие, невольным свидетелем коего я стала. Тогда в туалете клуба, несколько лет назад, он наглядно продемонстрировал на Лере, как он обычно развлекается.

– Ты в купальнике? Искупаемся? – вдруг спросил Адлер, вырывая меня из тягостных воспоминаний.

– Конечно, давай.

Адлер снял мокасины, вытащил из карманов портмоне, ключи от машины и телефон. Все сложил в обувь и стянул с себя футболку. Аккуратно, разглаживая швы, накрыл ей свой скарб.

Я замерла, как зачарованная. Торс мужчины был восхитительный. Покатые от шеи плечи с четко очерченными мышцами. Длинные руки с рельефом бицепсов и трицепсов, опоясанные вздувшимися венами, как у качков из спортзала. Широкая грудная клетка с прокаченными косыми мышцами пресса. Ну и конечно, шесть симметричных квадратов самого пресса. От пупка у Адлера росли светлые кучерявые волосы. Ровной дорожкой они уходили в пояс шортов.

– Так и будешь рассматривать меня или тоже разденешься? – улыбнулся белозубой улыбкой спартанец.

Я густо покраснела и отвела взгляд. Неловко стянула с себя топ и сняла джинсовые шорты-бермуды. Осталась стоять перед Адлером в простом розовом купальнике.

Я уже пожалела, что не надела новый белый купальник

с плотными чашками. Я его взяла с собой для фотосессии, когда загар будет достаточно ярким.

Теперь же, после купания, мои соски будут четко прослеживаться под тонкой розовой тканью. Мне уже заранее стало стыдно. Адлер посмотрел на меня и развернулся спиной. О, тут я опять зависла. Нажала всю реальность на стоп. Потому что спина у Адлера по мускулистости не отличалась от грудины. Лопатки опоясывали тугие канаты мышц. Плечи со спины выглядели еще мощнее. А узкая поясница плавно переходила в накаченные ягодицы, которые даже шорты не могли скрыть.

– Пошли купаться, девочка-космос, – позвал меня Адлер и побежал в воду. Как в замедленной съемке в «Спасателях Малибу», красавец ариец вбежал в воду и нырнул. Когда он скрылся из моего поля зрения, я выдохнула и побрела за ним.

Заходила в воду медленно, ежась от прохлады. Адлер тем временем с умением профессионального пловца скрылся в горизонте. Пока я зашла по пояс, он уже плыл обратно, размахивая длиннющими руками, как лопастями корабельного винта. Он подплыл и стал во весь рост. Вытер лицо рукой. Вода одним потоком стекала с его тела.

– Ты всегда так долго заходишь в воду? – спросил он меня.

Я сглотнула вязкую слюну и кивнула. Он определенно вгоняет меня в немую тупость. При нем я не могла думать ни о чем, кроме того, какой он совершенный и красивый. Немец

подошел ко мне и подхватил на руки, словно пушинку. Развернулся и пошел на глубину.

– Нет, пожалуйста, поставь меня. Я плохо плаваю, – пыталась вырваться я.

Я вынуждена была вцепиться в его плечи. Они оказались на ощупь даже тверже, чем на вид. Адлер, не произнося ни слова, зашел себе по грудь и чуть присел, полностью погружая меня в воду. Я жалась к его телу, как к спасательному кругу. Адлер медленно покрутился со мной в разные стороны. От него исходил жар, который я ощущала сквозь прохладную воду моря.

Адлер перехватил меня под попу, и я была вынуждена обхватить его талию коленями. Наши лица оказались на одном уровне. Мы жадно рассматривали друг друга. Изучали забытые черты. Адлер посмотрел на мои губы. Он сразу отстранил меня. Его взгляд стал темнее. Его поволокло желанием. Я уже это понимала. И ощущала, что подобный пожар съедает и меня.

– Пойдем, пока я не сорвался, – глухо проговорил он, снимая меня со своего торса.

Адлер оттолкнул меня. Даже не поцеловал.

– Теперь понимаешь, почему я не приезжал?! Еще рано. Нам нельзя. Но я, не каменный! Не прижимайся больше так ко мне, – отстранил меня Адлер.

Я чуть не захныкала. Хотелось закричать, что я уже взрослая. Мне скоро семнадцать. Многие подруги именно в этом

возрасте начали вести свою половую жизнь. Но я знала, что Адлер не станет меня слушать. А просить его целовать меня это унижительно и неправильно. Девушка не должна навязываться. Я это понимала на примитивном девичьем уровне своего сознания. Поэтому я добровольно отстранилась.

– Выходи, я еще поплаваю, – скомандовал немец и чуть подтолкнул меня к берегу.

Я послушно побрела из воды к нашим вещам. Песок был еще горячим после дневного летнего солнца. И я села в мокром купальнике на него. Притянула колени к груди и наблюдала, как Адлер пытается сбросить напряжение. Он плавал долго. Не меньше получаса. Я замерзла и накинула на плечи его футболку. Она пахла им и очень приятными цитрусовыми духами. Наконец, Адлер наплавался и вернулся к берегу. Он выходил из воды, как морской бог. Сразу вспомнился фильм «Аквамен» с Джейсоном Момоа. Лицом они совсем не похожи, но тела явно под копирку вылеплены. Адлер стряхнул воду руками с головы и лица и подошел ко мне, сел на корточки.

– Пошли где-то поужинаем, я с утра ничего не ел. Сендвич в самолете не в счет, – предложил он.

– Здесь есть рыбный ресторан недалеко. Там все свежее и недорого. Когда ко мне приезжают родители, мы часто там едим, – вспомнила я.

Адлер кивнул и потянулся снова ко мне. Поцеловал в губы. На этот раз быстро отстранился. Помог мне подняться.

– Если замерзла, иди в моей футболке, – добавил он.

– Я пойду переоденусь и отдам тебе ее. Неудобно как-то в ресторане полуголыми сидеть, – воспротивилась я.

Идти рядом с полуголым Адлером и вдыхать аромат его тела, пропитавший ткань футболки, было бы еще тем испытанием для меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.